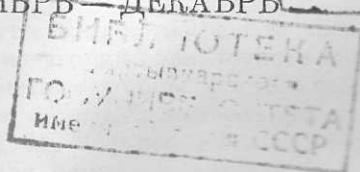
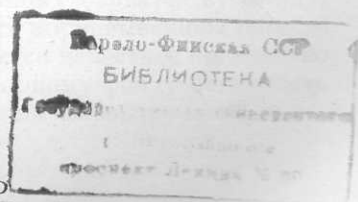

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

0952

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1953

С. А. АМАНЖОЛОВ

О ДИАЛЕКТАХ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Одним из актуальных вопросов казахского языкознания является вопрос о диалектной структуре казахского языка. До сих пор некоторая часть казахских языковедов отрицает наличие местных диалектов в казахском языке, тогда как факты говорят об обратном.

1

Противники диалектного деления казахского языка М. Балакаев, Н. Сауранбаев и другие в своих утверждениях обычно опираются на авторитеты некоторых старых тюркологов, например В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского. Однако известно, что акад. В. В. Радлов специальным исследованием казахского языка не занимался; он лишь собрал и опубликовал один том образцов казахского устного народного творчества и, не анализируя языка этих образцов с точки зрения состава казахских диалектов, отметил в предисловии, что «значительной разницы в языке различных племен киргизов (казахов.— С. А.) ... нет»¹. Тем не менее в собранных им текстах диалектные различия представлены в достаточной степени. В своих же сравнительных работах по казахскому языку В. В. Радлов пользовался, как он сам пишет, «Материалами» Н. И. Ильминского², не проводя самостоятельного углубленного исследования диалектного материала. Следовательно, В. В. Радлов не может служить авторитетом в области диалектологии казахского языка.

Противники диалектного деления казахского языка ссылаются еще на авторитет проф. А. М. Позднеева, который также писал об отсутствии диалектов в казахском языке³. Но и в данном случае автор высказывал не свое собственное мнение, а опирался на суждения В. В. Радлова. Такое же мнение в свое время высказывал и проф. П. М. Мелиоранский⁴. Он также поверил В. В. Радлову, но позже отказался от прежнего мнения и утверждал уже, что «язык киргизов Оренбургской губ. (т. е. язык казахов современных западных областей Казахстана.— С. А.) несколько иной, чем язык их сородичей в степях Западной Сибири» (т. е. язык казахов северо-восточных областей.— С. А.)⁵.

¹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. III, СПб., 1870, стр. XVIII.

² Н. И. Ильминский, Материалы к изучению киргизского наречия, Казань, 1861.

³ См. «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 29, стр. 95—101.

⁴ См. П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, СПб., 1894, стр. 3.

⁵ П. М. Мелиоранский [рец. на кн.:] «Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис. Изд. Православн. миссионерского о-ва. Оренбург. 1897 (обл.: 1898). [Автор: В. В. Катаринский]», «Записки Вост. отд-ния Имп. рус. археолог. о-ва», т. 44, 1897—1898, стр. 361.

Подобно В. В. Радлову, ориенталист В. В. Катаринский, не думая, что в казахском языке имеются диалекты, в основу своей грамматики⁶ положил «Материалы» Н. И. Ильминского, которые являются яркими документами, характеризующими диалект казахов западных областей Казахстана.

Если бы некоторые тюркологи и казаховеды не преклонялись перед авторитетом акад. В. В. Радлова, то давно признали бы грамматику М. Терентьева⁷ или, вернее, фактические материалы, использованные в этой грамматике, за образцы диалекта южных областей Казахстана. Ведь ее автор в предисловии пишет, что он в своем труде «предпочел произношение киргизов Туркестана» (т. е. казахов южных областей.— С. А.).

Поскольку язык, представленный в грамматике М. Терентьева, значительно отличается от языка, исследуемого в работах Н. И. Ильминского, В. В. Катаринского и других, и похож до некоторой степени на язык узбеков, то некоторые тюркологи, не думавшие о диалектах казахского языка, считали, что грамматика М. Терентьева написана на основе книжного (т. е. чагатайского) языка. При этом они не учли двух моментов: во-первых, длительную изоляцию казахских племен юга от других сородичей и, во-вторых, — их соседство с узбеками, которые в силу социально-экономических и культурных связей не могли не повлиять на язык казахов южных областей.

Изучая диалекты конкретных языков, мы не можем не учитывать указание Ф. Энгельса на то, что «в Майнской Франконии смесь славянского, тюрингского и саксонского населения была пронизана баварскими и франкскими элементами и выработала свой особый диалект»⁸. Из этого вытекает, что в образовании диалектов известную роль играют также результаты смешения разных народностей и взаимовлияние их языков. Однако некоторые тюркологи и казаховеды считают, что процесс образования диалектов прямолинеен. Поэтому-то противники диалектного деления казахского языка не считают за диалектизмы многие грамматические и лексические элементы узбекского и других языков, обнаруженные в южном диалекте казахского языка. Стремясь как бы уменьшить диалектные различия в казахском языке, они исключают из состава диалектизмов всякие синонимы, архаизмы, заимствованные слова и прочее, а также отрицают наличие множества звуковых чередований. Все эти диалектные расхождения они сводят к элементам «просторечия» и к «око-стенелым» формам⁹.

Подобные утверждения противников диалектного деления свидетельствуют о том, что они игнорируют наличие диалектов в казахском языке сознательно. Ибо все, что ими отрицается и не признается за диалектизмы, в учебниках и исследованиях по русской диалектологии соответственно квалифицируется как явления, характеризующие диалектные различия¹⁰. А в учебнике «Введение в языкознание» А. С. Чикобава прямо

⁶ См. [В. В. Катаринский], Грамматика киргизского (т. е. казахского.— С. А.) языка, Оренбург, 1897.

⁷ М. Терентьев, Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская, СПб., 1875.

⁸ Ф. Энгельс, Франкский диалект, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 15.

⁹ См. «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 9, стр. 98—102 и сб. «Вопросы казахского языкознания в свете трудов товарища И. В. Сталина», Алма-Ата, 1951, стр. 159—161.

¹⁰ См., например, статьи Р. И. Аванесова в «Известиях АН СССР. Отд. лингв. и языка» (М., 1950—1953 гг.) и в сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина» (М., Изд-во Моск. ун-та, 1950 и 2-е изд. — 1952); а также книги: П. С. Кузнецов, Русская диалектология, М., Учпедгиз, 1951, стр. 3—5, 31—102 и П. Я. Черных, Русская диалектология, М., Учпедгиз, 1952, стр. 12, 14, 15—20 и др.

указывается: «В языке, распространенном на значительной территории, выделяются диалекты, или наречия (от греческого *dialectos* — разговор, говор, наречие). Это диалекты территориальные. Для диалекта характерны те или иные особенности, по которым один диалект отличается от другого диалекта (а также от письменного языка, когда такой имеется). Особенности того или иного диалекта могут обнаружиться в том, что определенные слова одного диалекта не встречаются в другом диалекте или те же слова имеются, но произносятся по-разному, или же произносятся одинаково, но имеют разные значения, или же одни и те же слова отличаются и по произношению, и по значению; далее различие может обнаружиться в грамматических формах (в формах склонения, спряжения, в оформлении грамматических родов, согласовании слов, управлении слов и т. д.), в звуковом составе, в звуковых изменениях и т. п. Совокупность этих особенностей речи определенной территории образует диалект (или наречие)»¹¹. Итак, несмотря на то, что в грамматиках казахского языка конца XIX в., в основном, отражены диалектные черты трех территориальных групп казахского народа¹², противники диалектного деления утверждают, что казахский язык является бездиалектным, особым, отличным от всех тюркских языков.

К такой точке зрения они пришли вследствие недостаточного учета и неправильной оценки множества исторических фактов. Ими игнорируются, например, такие исторические факты, как изоляция некоторых групп казахских племен в течение 3—4 столетий в эпоху Золотой Орды (XIII—XVI вв.), когда казахи находились в разных улусах Монгольской империи; как одновременное присоединение этих групп казахов к России: некоторые казахские области продолжительное время находились под властью среднеазиатских ханств, другие — под властью Китая, третьи — под властью джунгарских калмыков. Не учитывается также и то, что даже после присоединения Казахстана к России казахские племена долго оставались искусственно разделенными друг от друга (в соответствии с принципами национальной политики царизма — «разделяй и властвуй!»). Ведь известно же, что только при Советской власти казахам удалось объединиться и только в 1924—1925 гг., в связи с национальным размежеванием Средней Азии, были воссоединены казахские земли. До этого же, например, южные области, населенные казахами, не принадлежали Казахстану.

И. В. Сталин учит, что «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа...»¹³. Противники же диалектного деления казахского языка, отрывая историю отдельных племен и племенных союзов, а также феодальных объединений от истории казахского народа, не учитывают такого важного источника для истории казахского языка, как диалекты. Они утверждают, что диалекты в казахском языке исчезли

¹¹ А. С. Чикобава, Введение в языковедение, ч. I, М., Учпедгиз, 1952, стр. 61.

¹² «Грамматики» М. Терентьева, в основном, отражают черты диалекта южных (Таллы-Курганской, Алма-Атинской, Джамбульской, Южно-Казахстанской и частично Кызыл-Ординской) областей, «Материалы к изучению киргизского наречия» Н. И. Ильминского и «Грамматика киргизского языка» В. В. Катаринского отражают черты диалекта западных (Западно-Казахстанской, Актюбинской, Гурьевской, частично Кустанайской и Кызыл-Ординской) областей и, наконец, «Краткая грамматика казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского отражает черты диалекта северо-восточных (Акмолинской, Павлодарской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской, Кокчетавской, Карагандинской, Северо-Казахстанской и частично Кустанайской) областей.

¹³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

в V или XV в. (?!), т. е. до образования единой казахской народности, якобы в силу подвижного кочевого (скотоводческого) хозяйства¹⁴.

Известно, что еще в 1924—1930 гг. казахские буржуазные националисты, идеализируя старое кочевое хозяйство, считали, что при нем люди не знали частной собственности на землю, роды и племена якобы беспрепятственно кочевали с места на место и что именно поэтому в казахском языке нет диалектов. Так ли на самом деле выглядел старый, дореволюционный аул? Обладало ли кочевое хозяйство такими свойствами, какие ему приписывались? Оказывается, что нет. На самом деле в старом дореволюционном Казахстане каждый род находился на определенной территории. В течение года более зажиточные слои рода, вместе с частью эксплуатируемой бедноты, кочевали по определенному маршруту и останавливались на определенных жайлявах (летовках) и кыставах (зимовках). Об этом свидетельствуют исторические документы¹⁵. К тому же основными собственниками земли являлись баи и феодалы. Другая же часть бедноты (жатаки) круглый год оставалась около зимовок. Малейшее самовольное передвижение их или даже перегонка скота по чужой территории сопровождалась кровавыми столкновениями. Следовательно, ни о какой свободе кочевков или передвижений не могло быть и речи. Стало быть, не было в Казахстане и условий для такого свободного общения, в результате которого так быстро перемололись бы диалекты.

Надо учесть, что до революции Казахстан отличался бездорожьем. Через пустыни и полупустыни, через Голодную степь (Бет-Пак-Дала), через пески и барханы шли только торговые караваны. Широкое массовое общение казахов в этих условиях было весьма затруднено. Наоборот, казахские племена в старое время, в силу обширности занимаемой ими территории (около 2,7 млн. км²), разобщались; с течением времени у них, естественно, появлялись и различия в языке. Именно к этой обстановке можно применить известное положение К. Маркса о том, что *«Локальное разобщение — в пространстве — вело с течением времени к появлению различий в языке; это приводило к обособлению интересов и к полной самостоятельности»*¹⁶.

Естественно было ожидать, что после появления статьи акад. В. В. Виноградова и Б. А. Серебrenникова в газете «Правда»¹⁷, где даются четкие и ясные указания о путях развития языков народов Советского Союза и отмечается, что марксизм «определил основные процессы образования языков народностей и национальных языков на базе народных диалектов», противники диалектного деления казахского языка изменят свои взгляды. Однако, желая во что бы то ни стало видеть казахский язык особым, указанная группа языковедов Казахстана настаивала на том, что положения, выдвинутые в упомянутой статье, не касаются казахского языка. Точно так же сторонники этой точки зрения прошли мимо появившихся

¹⁴ См. Н. Т. Сауранбаев, Письмо в редакцию, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 41, стр. 113 и Г. Р. Мусабеев, Становление и развитие казахского литературного языка и вопросы казахской диалектологии, Алма-Ата, 1952, стр. 45—46.

¹⁵ См., например: А. Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, СПб., 1832; Хасан-Гата-Габашин, История тюркских племен, Уфа, 1909 и др.

¹⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 79.

¹⁷ В. Виноградов и Б. Серебrenников, Вопросы развития языков народов Советского Союза, «Правда» 20 VI 52.,

еще раньше статей С. Г. Бархударова и Р. И. Аванесова¹⁸ и упорно продолжают держаться за фетиш кочевого скотоводческого хозяйства.

К сожалению, фетишизация кочевого хозяйства и отрицание диалектов в казахском языке нашли свое отражение и в сборнике «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». Мы имеем в виду помещенную в этом сборнике статью Г. Д. Санжеева, который писал: «Конкретные исторические условия и определенные хозяйственно-экономические уклады в жизни некоторых народов создают в отдельных случаях такие предпосылки, при которых местные диалекты либо отмирают, либо различия между этими диалектами в эпоху феодализма становятся весьма незначительными и едва-едва уловимыми. Так произошло, например, с казахским языком в России и халха-монгольским или собственно монгольским в дореволюционной Монголии. Объясняется это тем, что казахи и монголы издавна жили в условиях весьма подвижного кочевого скотоводства, вследствие чего речевой контакт между различными районами Казахстана и Монголии был весьма оживленным» (разрядка моя.— С. А.)¹⁹.

Натянутость этого последнего положения очевидна. Почему в таком случае сохранили диалектные различия такие в прошлом кочевые народности, как киргизы, туркмены, каракалпаки, башкиры, алтайцы и т. п.? Об ойратах и бурятах автор сам пишет, что они и другие народности «...живут в таких же примерно географических условиях, как и халха-монголы, но тем не менее, у них очень заметна диалектная дробность»²⁰. Следовательно, кочевое скотоводческое хозяйство не может служить ни причиной, ни предпосылкой перемалывания диалектов. Каждый из нас поймет, что раннее кочевое скотоводческое хозяйство относится к натуральному, а дореволюционное — к мелкотоварному укладу. Между тем Г. Д. Санжеев, вопреки тому, о чем он писал выше, допускает, что «диалекты начинают исчезать вследствие общественно-экономического развития народа в эпоху капитализма, но упорно удерживаются, например, в условиях сохранения мелкотоварного уклада» (разрядка моя.— С. А.)²¹. Это лишний раз показывает, что Г. Д. Санжеев напрасно принялся защищать «теорию» о роли кочевого хозяйства в перемалывании диалектов.

Г. Д. Санжеев стремился обосновать положение о том, что в эпоху феодализма в отдельных случаях диалекты исчезают или делаются едва заметными, но в таком случае ему не следовало подходить к казахскому и халха-монгольскому языкам с одной меркой. Во-первых, сам халха-монгольский язык — один из оживших диалектов после распада Монгольской империи²², во-вторых, численность халха-монгольского народа и площадь занимаемой им территории в 4—5 раз меньше, чем у казахов. В-третьих, в Казахстане, в отличие от Монголии, не было монахов, монастырей и «шабинаров», вокруг которых постоянно толпились палом-

¹⁸ См.: С. Бархударов, Сборник статей по вопросам языкознания [рец. на сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1951], «Большевик», М., 1951, № 23, стр. 77; Р. И. Аванесов, «Новое учение» о языке и лингвистическая география, сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. I, стр. 281.

¹⁹ Г. Д. Санжеев, Образование и развитие национальных языков в свете учения И. В. Сталина, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 344—345 (1-е изд. — 1950: стр. 117—118).

²⁰ Там же, стр. 345 (1-е изд.: стр. 118).

²¹ Там же, стр. 346 (1-е изд.: стр. 119).

²² См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44.

ники из всех районов. Выходит, что Г. Д. Санжеев сравнивал несравнимое.

Некоторые казахские языковеды, имея в виду положение И. В. Сталина о том, что диалекты, которые не легли в основу национальных языков, «...теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»²³, утверждают, что как только казахские племена сложились в народность в XV—XVI вв., диалекты казахского языка сразу же исчезли²⁴. В данном случае эти товарищи забывают о необходимости учитывать исторические, социально-экономические и культурные условия. Неужели они думают, что диалекты, существуя тысячелетия, могут исчезнуть так быстро?

В качестве доказательства наличия диалектных расхождений, которые существуют и ныне в современном казахском общенародном языке, ниже приводятся сопоставления данных южного и западного диалектов с данными северо-восточного диалекта. Так как северо-восточный диалект лег в основу литературного языка и тем самым служит мерилom при выявлении всех прочих диалектных разновидностей, мы считаем излишним особо останавливаться на характерных чертах его грамматического строя и лексики.

Следует, однако, отметить, что современный северо-восточный диалект не во всем совпадает и не может полностью совпадать с современным литературным языком. Дело в том, что северо-восточный диалект представляет собой не только основу письменно-литературного языка, но и основу общенационального казахского языка, который, в отличие от диалектов, не может существовать без определенной нормализации. В связи с этим в литературном языке устранены некоторые местные формы (например: *пыскан* вм. *пйскен*, *сыйыкты* вм. *сыякты*, *ергежейлі* вм. *ергежелі* и т. д.), характерные для отдельных говоров северо-восточного диалекта. Нормализацию современного литературного языка нельзя рассматривать изолированно от народно-разговорного языка, от других диалектов. Литературный язык растет и развивается, впитывая в себя все то ценное, что есть в диалектах. Таким образом, идет сближение письменно-литературного языка с народно-разговорным языком, идет процесс окончательного перемалывания диалектов.

2

Основные особенности южного диалекта

Из 50 фонетических особенностей отметим только важнейшие:

1. Многие слова на юге начинаются со звуков *п*, *н*, *г* вместо *б*, *д*, *ж* в других диалектах (*полат* вм. *болат*; *пейнет* вм. *бейнет*; *піл* вм. *біл*; *Нусіп* вм. *Дусіп*; *ноқтыр* вм. *доктор*; *гуріш* вм. *куріш*; *гөң* вм. *көң* и т. д.).

2. Звуки *з*, *ж*, *н* в интервокальном положении спорадически переходят в *д*, *й*, *у* (*жады* вм. *жазы*; *ойақ*, *бұйер* вм. *о жақ*, *бұжер*; *кеуіл* вм. *кеңіл* и т. д.).

3. В силу закона прогрессивной ассимиляции начальному звуку аффиксов *-да*, *-дай*, *-дық* // *-дік* соответствует звук *л* (*аңла*, *маңлай*, *тыңла* вм. *аңда*, *маңдай*, *тыңда* и т. д.).

²³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44.

²⁴ См., например, статью «К итогам дискуссии по некоторым вопросам казахского языкознания» [авт.: Н. Т. Сауранбаев, А. И. Исаков, Х. Х. Махмудов, Г. Г. Мусабаев и М. Б. Балакаев], «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1952, № 6, стр. 30.

4. Конечным звукам слов *тоғам, елең, ертең* в южном диалекте факультативно соответствует *н* (*тоған, өлен, ертен*).

5. Ряд слов, начинающихся в литературном языке звуком *д*, в южном диалекте начинается звуком *т* (*тайындау* вм. *дайындау*; *тоғару* вм. *доғару*; *тәует* вм. *дәуіт* и т.д.).

6. Звуку *е* в некоторых словах соответствует звук *а* или *ы* (*ысап* вм. *есап*; *мынан* вм. *менен*).

7. Звуку *с* во многих словах соответствует звук *ш* (*мышық* вм. *мышық*; *ешек* вм. *есек*; *кеуіш* вм. *кебіс*; *қыштау* вм. *қыстау* и др.).

8. Звуку *с* в некоторых словах соответствует звук *т* (*түгету* вм. *түгесу*; *қыту* вм. *қысу* и т.д.).

Из грамматических особенностей:

1. В противоположность северо-восточному и западному диалектам в южном диалекте при образовании формы 2-го лица ед. числа повел. наклонения используются особые аффиксы *-қын/ғын, -кін/гін*, или *-қыл/ғыл, -кіл/гіл*, или *-ың/ің* (*айтқын, айтқыл, айтың* вм. *айт*; *келгін, келгіл, вм. кел* и т.д.).

2. При образовании формы 2-го лица мн. числа повелит. наклонения к основе глагола вместо аффикса *-йық/йік* прибавляется аффикс *-лы/-лі* (*баралы* вм. *барайық*; *келелі* вм. *келейік* и т.д.).

3. Повелительно-желательное наклонение в 1-м лице ед. числа вместо литературной формы, оканчивающейся на *-айын/-ейін*, имеет форму с сокращенным аффиксом *-ай/-ей* (*берай* вм. *берейін*; *қайтай* вм. *қайтайын* и т.д.).

4. Вместо литературной формы желательного наклонения типа *барғым келеді* и *барғым келмейді* употребляется форма *барғым жоқ* и *барғым бар* и т.д.

5. Вместо обычной формы причастий прошедшего времени *туған* или глагола *тудым* употребляются их страдательные формы *туылған* и *туылдым*.

6. Вместо причастия *қараған* здесь зачастую употребляется *қарасты* (в значении «подчиненный», «находящийся во владении»).

7. Звук *л* в конце основы глагола перед глагольными аффиксами *-ма* и *-ган* выпадает (*аған* вм. *алған*; *қаған* вм. *қалған*; *қамаған* вм. *қалмаған* и т.д.).

8. Вместо формы действительного залога *қалып тұр* употребляется форма страдательного залога *қалынып тұр*.

9. Вместо отглагольной именной формы на *-у* и на *-мақ* употребляется форма на *-сы/-сі* (*оның да лайық емес құр қалысы* вм. *оның да лайық емес құр қалуы* или *құр қалмағы* и т.д.).

10. Сложная форма желательного наклонения *барса игі едім* заменяется формой *барса кетті*.

11. Сложное причастие *бар болатын* или *бар болатұғын* употребляется в сокращенной форме *бартұғын* или *бартын*.

12. К основе прилагательного *кем* «малый, слабый» прибавляется аффикс *-шыл/-шіл*, который, однако, не изменяет ее значения.

13. К основе прилагательного *тең* «равный, одинаковый» прибавляется аффикс *-лі*, который также не меняет первоначального значения основы.

14. Спорадически встречаются древне-уйгуро-огузско-карлукско-чагатайские формы слова (*құтлұғ* вм. литературного *құтты*; *сойғұлуққа* вм. *союға* и т.д.).

15. Притяжательное окончание спорадически употребляется в удвоенном виде (*ақыр-ы-сы* и *көб-і-сі* вм. *ақыры* и *көбі*).

16. Творительный падеж употребляется с послелогом *мынан* вместо послелога *мен/менен*.

17. Вместо форм местного и творительного падежей слова *уақыт* употребляется форма с аффиксом -ылы (*уақытылы келеміз* вм. *уақытымен* или *уақытында келеміз*).

18. Вместо формы исходного падежа перед действительным залогом глагола *оқы* употребляется форма дательного падежа (*молдаға оқыдым* вм. *молдадан оқыдым*).

19. В ряде случаев форма творительного падежа заменяется формой исходного (*сыртыңнан шық* вм. *сыртыңмен шық*).

Лексические расхождения по диалектам могут служить материалом для истории языка и исторической грамматики.

Приведем некоторые из многочисленных лексических расхождений южного диалекта с литературным казахским языком.

А. Особенности формы отдельных слов

- 1) *астайлы* или *әстінде* вм. *әсте* «ви за что»;
- 2) *балау* вм. *байқау* «наблюдать»;
- 3) *бақташы* вм. *бақташы* «пастух, табунщик»;
- 4) *бозбасшылық* вм. *бозбалалық* «жностеская больность»;
- 5) *жоңырышқа* вм. *жоңышқа* «клевер»;
- 6) *жақыт* вм. *жағдай* «условие»;
- 7) *жары* вм. *жарты* «половина»;
- 8) *жайтында* вм. *жайында* «про, о, об»;
- 9) *жәненші* вм. *және* «и, да, еще»;
- 10) *жосырмақта* вм. *жуықта* «скоро, поблизости»;
- 11) *жайдары* вм. *жай* «просто»;
- 12) *бігіз* вм. *біз* «нило»;
- 13) *баққы* вм. *бағу* «пасти»;
- 14) *борақы* вм. *бор* «мел»;
- 15) *бұршан* вм. *мұрша* «сила, мощь»;
- 16) *бығы-жығы* вм. *ығы-жығы* «большое скопление»;
- 17) *біткеру* вм. *бітіру* «закончить»;
- 18) *бұрда* вм. *бұрыста* «в стороне, не по пути»;
- 19) *білдік* вм. *білім* «знание»;
- 20) *арқада* вм. *артта* «позади»;
- 21) *әнше* вм. *сонша* «сколько»;
- 22) *көзгелдек* вм. *көзілдірік* «очки»;
- 23) *күмпей* вм. *күні* «стеганная шуба»;
- 24) *қабіреу* вм. *кейбіреу* «кое-кто, некоторый»;
- 25) *кебентай* вм. *кебенек* «рубашка»;
- 26) *естек* или *ешек* вм. *есек* «осел»;
- 27) *еге* или *еге* вм. *ие* «хозяин»;
- 28) *ерен-паран* вм. *елең-алаң* «заря перед рассветом»;
- 29) *ешеңке* вм. *ештеңе* «ничего»;
- 30) *егер* вм. *ер* «седло»;
- 31) *еркеші* вм. *ершік* «седёлка»;
- 32) *дөңке* вм. *дөңбек* «чурка»;
- 33) *зілмендей* или *зілмауырдай* вм. *зілдей* «грузный, тяжелый»;
- 34) *мұт* или *мұлый* вм. *мұлде* «совсем»;
- 35) *маймалау* вм. *майдалау* «раскрошить, размолоть»;
- 36) *мәрте* вм. *мәртебе* «раз»;
- 37) *маяна* вм. *мая* «скирд»;
- 38) *наменгер* вм. *әменгер* «наследующий жену умершего родственника»;
- 39) *оңқу* или *тоңқу* вм. *моңқу* «вспрыгнуть»;
- 40) *пияла* вм. *пиялай* «рукавица»;

- 41) *отырықтау* в.м. *отырғызу* «посадить»;
- 42) *оқымыш* в.м. *оқымысты* «ученый»;
- 43) *сәт* в.м. *сағат* «часы»;
- 44) *саттық* в.м. *сатылатын* «продажный»;
- 45) *сыйлықтау* в.м. *сыйлау* «принести дар, подарить»;
- 46) *сару* в.м. *ауру* «болезнь»;
- 47) *сұбыру* в.м. *суыру* «вевать»;
- 48) *сазғырау* в.м. *сазару* «молча упрямствовать»;
- 49) *тайқау* в.м. *тақақтау* «быть аккуратным»;
- 50) *тоқтасқан* в.м. *тоқтаған* «пожилой»;
- 51) *тымсал* в.м. *мысал* «пример»;
- 52) *тәпенше* в.м. *табадан* «сковорода»;
- 53) *тұрғын* в.м. *тұрғай* / *туғіл* «нежели»;
- 54) *шекілдек* в.м. *шекілдеуік* «подсолнечник»;
- 55) *шажай* в.м. *найзагай* / *нажагай* / *ажагай* «молния»;
- 56) *шоқ* в.м. *оқ* «пуля»;
- 57) *шілі* в.м. *шылғый* «всегда, постоянно»;
- 58) *шылад* в.м. *шылбыр* «чембур, поводья»;
- 59) *шамбе* в.м. *сама* «чайный отвар»;
- 60) *шар* в.м. *шығар* «возможно»;
- 61) *шынайтай* в.м. *шынтақ* «мизинец, локоть»;
- 62) *қомайлану* в.м. *қомағайлану* «жадно есть»;
- 63) *қозақ-қозақ* в.м. *өзек-өзек* «пустоты внутри стебля»;
- 64) *қодаған* в.м. *қодырайған* «пустой, напыщенный»;
- 65) *қылиа* в.м. *қызылиа* «скарлатина»;
- 66) *қысый* в.м. *қысу* «жать, нажать, притеснять»;
- 67) *ымырасаздық* в.м. *ымырашылдық* «примиренчество» и т. д.

Б. Особенности сочетаний слов

- 1) *белі ауру* в.м. литературного *жаны ашу* «жалеть»;
- 2) *сауатын шығару* в.м. *сауатын ашу* «ликвидировать неграмотность»;
- 3) *ақырет беру* в.м. *сөгу* «поричать»;
- 4) *ат қосу* в.м. *ат жегу* «запрягать лошадь»;
- 5) *құлып ұру* в.м. *құлып салу* «замкнуть»;
- 6) *барғым бар* в.м. *барғым келеді* «хочу идти»;
- 7) *барғым жоқ* в.м. *барғым келмейді* «не хочу идти»;
- 8) *нұрқана жер* в.м. *өңделген жер* «удобренная земля»;
- 9) *айдап тұру* в.м. *жер жырту* «пахать землю»;
- 10) *көрсө басарлық* в.м. *көрсө қызырлық* «жадность, ненасытность»;
- 11) *орам болу* в.м. *бағыну* «подчиняться»;
- 12) *екі бастан* в.м. *қалай да* «во что бы то ни стало»;
- 13) *кетпе-кет* в.м. *артынан іле* «вслед за кем или чем-нибудь»;
- 14) *мойынтаулық қылу* в.м. *көнбеу* «не подчиняться, не поддаваться»;
- 15) *қазан боп біту* в.м. *суалу* «отдонтиться»;
- 16) *қаза біту*, *қайтыс болу* в.м. *өлу*, *қаза болу* «погибнуть, умереть»;
- 17) *тән алмау* в.м. *пікіріне қосылмау* «не соглашаться»;
- 18) *қосын тарту* в.м. *жұмыс істеу*, *енбек ету* «работать, дело делать» и т. д. и т. п.

Общая характеристика лексики юга сводится к следующему:

1. Почти каждое слово по своему составу резко отличается от слов других диалектов, имеющих то же самое значение (*тага* в.м. *нағашы*; *еге* в.м. *ие*; *бігіз* в.м. *біз*; *шуйгей* в.м. *жырау*; *ашық-машық* в.м. *топса*; *білік* в.м. *білте* и т. д.).

2. Многие слова являются общими с соответствующими словами

узбекского языка (дарбаза в.м. қақпа; дәлел в.м. ауыз ұй; дуал в.м. стен, қабырға; әулі в.м. қора; ауқат в.м. ас, тамақ и т. д.).

3. В силу того, что в южных областях технические культуры развились раньше, множество слов или терминов юга, связанных с ними, ныне стало достоянием всего Казахстана. Таковы, например: жүгері «кукуруза», қызылша «свекла», отақтау «окучивать», құнбағар «подсолнечник», кунжара «жмых» и т. д.

3

Основные особенности западного диалекта

Из 46 фонетических особенностей здесь также укажем только на основные:

1. Чередуются звуки *o/ʊ* и *ə/ʉ* (құл в.м. қол; құдық в.м. қодық; сұнар в.м. сонар; дұнен в.м. дөнен; үгей в.м. өгей и т. д.).

2. Из чередований согласных укажем на отношения следующих пар: *ш/к* (шеке в.м. литературного шеше), *қ/с* (мырсылдау в.м. мырқылдау), *д/б* (бодалау в.м. додалау; жебегабыл в.м. жедегабыл), *д/ж* (жұмалау в.м. домалау), *м/л* (шүлек в.м. шүмек), *ң/м* (менім в.м. менің; емпей в.м. еңкей), *б/ғ* (сағақ в.м. сабақ), *ғ/ш* (бұрше в.м. бұрге), *з/ж* (кезену в.м. кезену), *т/б* (быржық в.м. тыржық), *ш/д* (дің в.м. шың), *н/ғ* (сарғау в.м. сарнау), *п/у* (кеусен в.м. кепсен) и т. п.

3. Носовые сонорные звуки *н, ң* и звонкий *г* sporadически заменяют сонорный *й* (шаңқан в.м. шаңқай; қанда в.м. қайда; жегде в.м. жейде и т. д.).

Из грамматических особенностей:

1. В личных местоимениях 1-го и 2-го лица мн. числа родительный падеж имеет усеченный вид (1-е лицо бізің в.м. біздің; 2-е лицо сізің в.м. сіздің). Притяжательные формы этих местоимений также имеют отличия: показатели множественности ставятся в конце основы (1-е лицо бізiкiлер в.м. біздердікі; 2-е лицо сізiкiлер в.м. сіздердікі).

2. Аффикс *-ай/-ей* выполняет функцию дательного падежа (он бір жасай келгенде в.м. он бір жасқа келгенде).

3. При слове *шын* аффикс *-ты* выполняет функцию творительного падежа (шынты сендім в.м. шынымен сендім).

4. При слове *кез* аффикс *-е* заменяет местн. падеж (кезе в.м. кезінде).

5. Вместо *қашан* «когда» говорят *қайшан*.

6. Прошедшее время глагола передается посредством двух аффиксов *-у + -лы/-у + -лі* (барулы в.м. барды или барған; келулі в.м. келді или келген).

7. Имеется несколько имен, от которых глаголы образуются необычным путем (от *сақ* «бдительный» — *сақы* «береги» в.м. сақта и сақын «берегись» в.м. сактан; от *ен* «примета» — *ене* «примечай» в.м. ен сал; от *жады* «очарованный» — *жаду* «очаровать» в.м. жадыла; от *ұят* «стыд» — *ұятта* «стыдить» в.м. ұятт; от *қою* «густой» — *қойыр* «становись густым» в.м. қоюлан; от *ерік* «свобода» — *еркеу* «быть свободным» в.м. еркіндеу; от *танау* «ноздря» — *тана* «резать ноздрю» в.м. танауын тіл; от *кіші* «малый» — *кішіріт* «сделать малым» в.м. кішірейт и т. д.

8. От арабского слова *уасият* «завет» глагол образуется путем сокращения основы (өси «завещать» в.м. өсиеттеу).

9. Вместо глагола *сандалма* «не словняйся, не болтай» употребляется форма *санда* (без аффикса отрицания).

10. Причастие *жегілген* употребляется в сокращенной форме *жескі* (но в.м. жатқан говорят жатырған).

11. Вместо прилагательного *жігерлі* «энергичный» (основа *жігер* + аффикс *-лі*) употребляют слово *жігер*, что в литературном языке обозначает

«энергия»; и наоборот — прилагательное *iшкі* «внутренний» употребляется вместо существительного *iшкілік* «напиток»; существительное *бостандық* «свобода» употребляют в сокращенной форме *бостан* и послелог *жайында* — в форме *жайлы* и т. д.

12. Глагол *жеткізу* факультативно употребляется в форме *жеткеру* «достичь, добиться».

13. Глагол *бітіру* факультативно употребляется в форме *біткеру* «закончить, завершить».

14. Глагол *жүргізу* факультативно употребляется в форме *жұрту* «пустить в ход».

15. Глагол *жету* употребляется в форме взаимного залога *жетісу* «догнать».

16. Глагол *тірілту* факультативно употребляется в форме *тіргізу* «оживить, воскресить».

Что касается лексических расхождений, то здесь также много таких слов, этимологии которых резко отличаются от этимологий эквивалентных слов в других диалектах. Приведем некоторые из них:

А. Расхождения в форме отдельных слов

- 1) *адырлану* вм. литературного *адыраңдау* «петушиться»;
- 2) *аса басы*, *аса басты* вм. *ас басшы*, *отагасы* «распределитель пищи»;
- 3) *аңару* вм. *аңғару* «понимать»;
- 4) *айырмаш* вм. *айырмасы* / *айырмашылық* «разница»;
- 5) *аңаза* вм. *аңыз* «рассказ»;
- 6) *азын-жогын* вм. *азды-көпті* «более или менее»;
- 7) *бересен* вм. *ересен* / *орасан* «чрезвычайно»;
- 8) *берік* вм. *бересі* «долг, задолженность»;
- 9) *бозбалдақ* вм. *боздақ* «кормчий»;
- 10) *бүлгін* вм. *бүліншілік* «мятеж»;
- 11) *бостан* вм. *бостандық* «свобода»;
- 12) *бейсеубет* вм. *бейсауат* «вольный»;
- 13) *белбуар* вм. *белуар* «поясница»;
- 14) *бұтана* вм. *бұратана* «пришельцы»;
- 15) *бана* / *мана* «давеча» вм. *бағана*;
- 16) *бұю* вм. *ұю* «преклонение»;
- 17) *ерсен-қарсан* вм. *ерсілі-қарсылы* «крест-на-крест»;
- 18) *ермене* вм. *ермен* «подынь»;
- 19) *ересе* вм. *ересек* «взрослый»;
- 20) *ерек* вм. *ерекше* «особо»;
- 21) *еңкеу* / *еңку* вм. *еңіс* / *еңкіс* «уклон»;
- 22) *жартымаш* вм. *жарымес* «полоумный»;
- 23) *жұмшылық* вм. *жұмдық* «спаянность»;
- 24) *зымқұйым* вм. *зымзия* «без вести»;
- 25) *зеуімен* вм. *зеузаман* «специально, нарочно»;
- 26) *көдек* вм. *мүгедек* «инвалид»;
- 27) *кеждену* вм. *кежіреу* «артачиться»;
- 28) *оқыра-шодыра* вм. *оқыра-моқыра* «свищ на спине рогатого скота»;
- 29) *оңыт* вм. *онды* «приличный»;
- 30) *омай-жумай* вм. *ұмпай-жұмпай* «действия для обмана»;
- 31) *ожыр-бұжыр* вм. *бұжыр-мұжыр* «страшно корявый»;
- 32) *ойнарқы* вм. *ойнақы* «игривый, неустойчивый»;
- 33) *жарақшы* вм. *жарашы* «хирург»;
- 34) *оданы* вм. *одағай* «междометие»;

- 35) орту в.м. орағыту «окружить»;
- 36) мәс ! мәш в.м. мәсі «ичиги»;
- 37) мұңаса в.м. мұң «печаль»;
- 38) мүйеңкі в.м. үйеңкі «верба»;
- 39) сыйыр-сыбыр в.м. сыйыр-мыйыр «коровы»;
- 40) масеу в.м. мастану «опьянеть»;
- 41) сырқос в.м. сырқат «болезнь»;
- 42) сыйқа в.м. сырқау «боль»;
- 43) сұмзұла в.м. сұмдықшыл «подлец, коварный»;
- 44) суама | сұкый в.м. суайт «лжец»;
- 45) самсақ в.м. самсаған «неисчислимый»;
- 46) қатысында в.м. қасында «около, возле»;
- 47) қойшы-қойманыш в.м. қойшы-қолаң «пастух»;
- 48) қабыртқа в.м. қабырға «ребро»;
- 49) түйе-теге в.м. түйе-мүйе «верблюды»;
- 50) таңқанай в.м. таңқы «курносый»;
- 51) шағарақ в.м. шаңырақ «крыша юрты»;
- 52) шақырық в.м. шақыру «вызывать, вызов»;
- 53) шығану в.м. шығу «опередить в беге»;
- 54) ыжылдау в.м. быжылдау «шуметь»;
- 55) ымырылу в.м. жымырылу «загибаться»;
- 56) ұпар-тұпар в.м. ұмар-жұмар «все вместе»;
- 57) ұртқал в.м. ұрымтал «горячий, бойкий»;
- 58) тәпелек в.м. тәпелтек «малорослый, низкорослый» и т. д.

Б. Из особенностей сочетаний слов

- 1) аяқ үстінде жүру в.м. литературного кепілде жүру «быть на поручках»;
- 2) мұрады мұң болу в.м. мұрадына жету «добиться цели»;
- 3) жаду беру в.м. жадылау «очаровать, заколдовать»;
- 4) татып алмау в.м. дәмін білмеу «не попробовать вкус»;
- 5) байлап бдру в.м. қоса беру «отдать в придачу»;
- 6) бұймора в.м. бұйымтайыңыз «что вы желаете брать»;
- 7) қаза басу в.м. тор құру «ставить сеть»;
- 8) салқа жорту в.м. бірсыдырғы жорту «ездить с одной и той же скоростью»;
- 9) баз кешу в.м. кұдер узу «терять надежду»;
- 10) жаран болу в.м. жарасу «подходить»;
- 11) барамыз айта ма в.м. барамыз дей ме «собираются ли они идти»;
- 12) барғасын жерде в.м. барғаннан кейін «как только придет или придет»;
- 13) берген жоғым в.м. бергемін жоқ «не дал, не давал»;
- 14) алған жоғым в.м. алғамын жоқ «не взял, не брал»;
- 15) ел аузына етек шықпақ болу в.м. ел сезіне тыйым салу «никому не давать говорить»;
- 16) жер шығып кетті в.м. жер құрғап кетті «земля засохла»;
- 17) жоқ тұр в.м. жоқ болып тұр «нет, не оказалось»;
- 18) сұрам бермеу в.м. кенбеу «не подчиняться, не соглашаться»;
- 19) зат та етпейді в.м. ештеме етпейді «ничего не делается»;
- 20) мүйізінді шайқама в.м. қорқытпа «не пугай»;
- 21) танасын шығару в.м. тарпа бас салу / есін шығару «захватить»;
- 22) түйе тауық адам в.м. дөрекі, тұрпайы адам «грубый, неуклюжий человек»;
- 23) тәсіп ету в.м. мақтау «хвалить»;

- 24) *аяқ қораздану* в.м. *аяқ ісіп ауру* «боль опухших ног»;
 25) *қайт болмас* в.м. *дегені болмай қалмас* «сказанное выполняется без отказа»;
 26) *мал құлағы сауыр* в.м. *мал естімесін* «пусть не услышит скот» и т. д.

Общая характеристика лексики западного диалекта сводится к следующему:

1. Почти каждое слово в западном диалекте отличается от слов других диалектов, имеющих то же самое значение, и фонетически (*бересен* в.м. *ересен* / *орасан*; *жабын* в.м. *жаман*; *дөсір* в.м. *төкір*; *жалан* в.м. *жалған*; *шүлек* в.м. *шүмек*; *шәуген* в.м. *шәуім*; *мәс* / *мәш* в.м. *мәсі*), и морфологически (*аржайы* в.м. *арсыз*; *ербек* в.м. *ербекей*; *ерек* в.м. *ерекше*; *жігер* в.м. *жігерлі*; *асқақ* в.м. *асық*).

2. Некоторые арабские и иранские по происхождению, а также тюркские слова заимствованы главным образом через татар и башкир (*март* в.м. *жомарт* «щедрый»; *даң* в.м. *даңқ* «слава»; *мызылу* в.м. *мыжылу* «мяться»; *байрақ* в.м. *ту* «флаг»; *өтпек* в.м. *нан* «хлеб»).

3. Встречаются архаические слова, утраченные литературным языком (*кеженей* в.м. *алым-салық*; *кейінжі* в.м. *кенже*; *бұймора* в.м. *бұйым*, *тайыңыз*; *құртылтай* в.м. *шыпышқ*/ *шымышқ*; *жарын* в.м. *келесі жыл*; *бөсүр* в.м. *кірне*; *кылиан* в.м. *қорамсақ* и т. д.).

*

Приведенных выше фактов, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы прийти к следующим выводам:

1. Казахский язык образовался на базе трех местных диалектов, границы которых указаны выше.

2. Исходя из наличия остатков трех основных диалектов и учитывая роль (или удельный вес) каждого в отдельности, необходимо признать, что в основу современного казахского литературного языка лег северо-восточный диалект, на котором писали первые классики казахской художественной и педагогической литературы Абай Кунанбаев и Ибрай Алтынсарин.

Как нам уже приходилось указывать²⁵, северо-восточный диалект лег в основу литературного языка, во-первых, потому, что проникновение русского капитала со второй половины XIX в. шло особенно интенсивно именно в северо-восточные области, во-вторых, потому, что сближение трудящихся казахов с русскими переселенцами (начало которого относится к XVI в.) в этот период стало более ощутимым, усилилась тяга казахской молодежи к русской культуре. Русские города Западной Сибири сыграли большую роль в формировании казахской интеллигенции. Немаловажную роль сыграли такие первые газеты на казахском языке, как «Акмолинские ведомости», «Дала уалаяты» (Омск) и др. Все эти условия и выдвинули северо-восточные области Казахстана на первый план в общественно-политической и культурной жизни Казахстана.

Иные условия были на юге и на западе Казахстана. Представители южных и западных областей испытывали сильное влияние религии ислама и реакционной культуры Востока. А потому они оказались в стороне от борьбы за культуру речи собственного народа, за создание основы казахского литературного языка. Классики казахской литературы Абай и Ибрай, являясь представителями северо-восточного диалекта, подняли

²⁵ См. С. А. Аманжолов, Основные проблемы казахской диалектологии, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1948, № 7, стр. 23.

этот диалект до уровня общенародного языка. Ученики классиков передовой русской литературы, они оставили значительное литературное наследство, и как только их произведения стали достоянием всего казахского народа, все без исключения казахские поэты и писатели, независимо от того, из каких областей они происходят, приняли язык Абая и Ибрая за образец литературного языка.

Тем не менее некоторые казаховеды, не желающие признать наличие диалектов в казахском языке, считают, что казахский литературный язык образовался на базе общенародного языка без диалектов, а Абай и Ибрай свои произведения писали якобы на этом общенародном языке. Эти казаховеды не видят отличий родового языка от племенного, племенного языка от языка народности, языка народности от национального языка. Признанные же положения о диалектной основе общенационального языка, о том, что наличие диалектов не отрицает, а подтверждает общность языка, что местные диалекты, обслуживая народные массы, могут существовать до тех пор, пока не перемалываются в общенациональном литературном языке, эти товарищи просто обходят.

3. Умалая основополагающую роль и значение первых классиков казахской художественной литературы, прежде всего роль Абая Кунанбаева, в создании основы современного казахского литературного языка, отдельные казаховеды (М. Ауэзов, Г. Мусабаев) выдвигают тезис о том, что основа современного казахского литературного языка сложилась в виде традиционного языка устной поэзии, который, по их мнению, является языком бездиалектным. На самом деле все тексты устной народной литературы Казахстана, записанные в конце XIX и в начале XX в., еще сохраняли известные особенности местных диалектов. Правда, во многих случаях, например при записи творчества Джамбула Джабаева, местные особенности языка поэта, как правило, устранялись. Однако в отдельных записях, например, у Г. Орманова, некоторые грамматические и лексические особенности языка Джамбула, характерные для диалекта южных областей, сохранились. Черты западного диалекта вполне рельефно выступают в записях творчества такого популярного народного поэта, как Н. Байганин, хотя он был грамотным и его творчество тоже подвергалось редакционной обработке. Ни для кого не секрет, что даже некоторые регулярно выходящие районные и областные газеты Казахстана могут служить своеобразными объектами диалектологического изучения²⁶. Не случаен и тот факт, что в произведениях таких писателей, как Г. Сланов, Нурпейсов и др., мы обнаруживаем массу диалектизмов.

Общеизвестно, что нет никакой существенной разницы между грамматическим строем и основным словарным фондом языка Абая и Ибрая, с одной стороны, и основой современного казахского литературного языка — с другой. Но этого нельзя сказать в отношении поэтов и писателей дореволюционного Казахстана, которые происходят из западных или южных областей. Объясняется это тем, что Абай и Ибрай писали свои произведения на более близком к современному языку северо-восточном диалекте. Особенности других диалектов не могли быть использованы ими, так как до революции у казахов не было общего печатного органа, а обширная территория препятствовала непосредственному ознакомлению с другими диалектами.

²⁶ Утверждение Г. Г. Мусабаева на дискуссии языковедов Казахстана (1952 г.) о том, что не только казахи, живущие на территории Казахской ССР, но и казахи, живущие в МНР и Китае, не говорят на разных диалектах и говорах (см. Г. Г. Мусабаев, указ. соч., стр. 59), нельзя назвать иначе как несерьезным.

4. Материалы, собранные в течение последних 15—16 лет, показывают, что внутри каждого территориального диалекта казахского языка, кроме явлений, общих для всего диалекта, сохранились частные, более мелкие особенности, связанные либо с наличием в прошлом различных родовых и племенных групп, либо с влиянием языков соседних народностей, либо с тем, что местное население ассимилировало когда-то иноязычные племена. Изучение таких говоров дает богатый материал для истории казахского языка.

Все это говорит о том, что нам, казахским языковедам, следует признать наличие диалектов в казахском языке и не отрицать существования в нем следов бывших племенных и местных диалектов, а изучать их во всей полноте. Необходимо также заняться серьезным изучением лингвистической географии и приступить к составлению диалектологического атласа. Только это даст нам возможность понять историю казахского языка, обнаружить внутренние законы его развития.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1954

Ж. Д. ДОСКАРАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

В Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР ведется работа по изучению местных особенностей казахского языка. Для этой цели был организован ряд диалектологических экспедиций в юго-восточные и северо-западные районы Казахстана. На основе фактических материалов, собранных участниками экспедиций, опубликован ряд статей и монографий, составлен диалектологический словарь (в настоящее время он готовится к печати) и собран значительный лексический материал, связанный с рыболовством в приаральских и прикаспийских районах Казахстана, который сейчас изучается в Институте языка и литературы. Однако казахская диалектология до сих пор не заняла надлежащего ей места в ряду лингвистических дисциплин. Более того, она нуждается еще в ряде уточнений по вопросу о диалектах казахского языка.

1

Вопрос о диалектах и говорах казахского языка до сих пор является одним из самых запутанных в казахском языкознании. По нему в последнее время были высказаны самые различные мнения. Так, проф. С. А. Аманжолов считает, что в казахском языке были в прошлом и остаются поныне три территориальных диалекта в соответствии с этническим составом так называемых казахских жузов. Как известно, казахские жузы как этническая группа существовали недолго; они не имели определенных территориальных границ, так как в условиях кочевого хозяйства, естественно, не могли представлять в территориальном отношении замкнутые объединения.

Кроме того, в своей статье «О диалектах казахского языка»¹ С. А. Аманжолов поднимает отдельные спорные вопросы, касающиеся изучения говоров казахского языка. Выясняя наличие диалектов в казахском языке, автор опирается главным образом на материалы некоторых грамматик казахского языка конца XIX в. Так, по мнению С. А. Аманжолова, книга М. Терентьева «Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская»², в основном, отражает диалекты южных областей. В своей статье «Советское языкознание на новом этапе» он по этому поводу пишет: «...работа М. Терентьева ...полностью подтверждает наличие южного диалекта казахского языка с особым грамматическим строем»³. Если

¹ С. А. Аманжолов, О диалектах казахского языка, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 6, стр. 87—101.

² М. Терентьев, Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская, СПб., 1875.

³ С. Аманжолов, Советское языкознание на новом этапе, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 1, стр. 22.

грамматика М. Терентьева отражает диалект южных областей Казахстана, то «Грамматика киргизского языка» В. В. Катаринского⁴, как считает проф. С. А. Аманжолов, отражает черты диалекта западных областей, а «Краткая грамматика казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского⁵ отражает черты диалекта северо-восточных областей.

Такие выводы С. А. Аманжолова далеко не подтверждаются фактическими данными. Нельзя утверждать, что грамматика М. Терентьева отражает диалект южных областей, хотя она и показывает его некоторые черты, например, употребление *дж* вместо *жс* (*джол* «дорога», *джыл* «год» и др.), чередование *ш/ч* в некоторых словах (*сатушы* — *сатучы* «продавец» и др.), формы творительного падежа с послелогами *мынан* (*темир джолмынан барды* «поехал по железной дороге»), форму настоящего времени типа *уйықтап атыр* «он спит»⁶ и др. Вместе с тем некоторые особенности, представленные в грамматике М. Терентьева, не встречаются в разговорной речи казахов южных областей; так, например, не характерно для южан: а) употребление *дж* вместо *ш* в конце слова (*кылыджс-менен* «саблею»); б) формы родительного и винительного падежей с аффиксами *-ны* вместо *-дың* (*базарнын*) и *-ны* вместо *-ды* (*базарнын*); в) формы исходного падежа *атанан*, *шешенен*, *меннен*, *синнен*, *оннан* вместо *атадан*, *шешеден*, *менен*, *сенен*, *онан*⁷ и т. п. Во всяком случае, эти явления встречаются не у всех южан, а только в разговорной речи населения некоторых районов (Сарыагашского и др.) Южно-Казахстанской области, т. е. районов, смежных с территорией, где живут узбеки и туркмены.

Не основательны ссылки С. А. Аманжолова также и на некоторые особенности языка, представленные в грамматике В. В. Катаринского, как на одно из доказательств существования западного диалекта казахского языка. Правда, П. М. Мелиоранский в своей рецензии на «Граматику киргизского языка» отмечал некоторые особенности разговорной речи оренбургских казахов, но эти местные особенности не являются признаками особого диалекта западных областей.

Наконец, нельзя согласиться и с тем, что «Краткая грамматика казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского отражает особенности диалекта северо-восточных областей, так как грамматика эта написана, по выражению самого автора, на основе разговорного языка казахов⁸, который по существу не отличается от общеразговорной речи казахов западных и южных областей. В грамматике не обнаруживаются какие-либо черты говоров ни северо-западных, ни юго-восточных областей Казахстана.

Таким образом, отдельные фонетические, лексические и грамматические особенности, представленные в указанных выше грамматиках, не могли дать С. А. Аманжолову оснований для выделения трех различных диалектов в казахском языке.

Среди казахских языковедов существуют и другие мнения. Так, некоторые считают, что в казахском языке вообще не было и не имеется ни диалектов, ни говоров, а есть лишь некоторые искаженные формы слов, которые рассматриваются ими как явления и формы просторечья. Это мнение исходит из утверждений П. М. Мелиоранского, акад. В. В. Радлова и некоторых других ученых. Так, например, в 1894 г. П. М. Мелиоранский

⁴ [В. В. Катаринский], Грамматика киргизского языка, Оренбург, 1897.
⁵ П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, СПб., 1894.

⁶ См. М. Терентьев, указ. соч., стр. 120, 136, 145.

⁷ Там же, стр. 124, 128.

⁸ См. П. М. Мелиоранский, указ. соч., стр. 4.

писал: «Особенно замечательно то обстоятельство, что несмотря на громадное пространство, занимаемое киргизами, казахами и т. д., язык их даже в наиболее удаленных друг от друга местах почти совершенно одинаков, — до такой степени, что дальнейшее его дробление на поднаречия едва ли возможно»⁹. Однако такое утверждение противоречит истинному положению вещей, хотя некоторые казахские языковеды и пытаются его развить и доказать отсутствие в казахском языке каких-либо особых говоров и диалектов.

Среди современных казахских языковедов существование диалектных различий в казахском языке отрицает также Г. Г. Мусабаев. При этом он опирается на высказывания проф. Н. Т. Сауранбаева о монолитности казахского языка¹⁰, а также проф. Г. Д. Санжеева о характере местных различий казахского языка¹¹. По мнению Г. Г. Мусабаева, существующие диалектные явления в казахском языке не могут служить критериями для установления в нем каких-либо особых говоров и диалектов. Г. Г. Мусабаев считает, что эти явления носят остаточный, окостенелый характер, но эти явления почти неуловимы¹².

С этим мнением нельзя согласиться, ибо оно противоречит языковым явлениям и фактам, которые говорят о том, что в казахском языке имеются диалектные различия, причем различия эти касаются основного словарного фонда, частично грамматического строя, а также и фонетической структуры казахского языка. При самых поверхностных наблюдениях устанавливаются значительные лексические, фонетические и некоторые грамматические расхождения между южными и северо-западными областями Казахстана. Так, например, в южных районах Казахстана говорят: *сым* «брюки», *ақта* «кастрат», *кепе* или *кебе* «ягненок раннего приплода», *ақыр* «ясли для скота», *барғым бар* «мне хочется идти», *аң қаралы* «пойдем на охоту», *ертеңгісін* «утром» вместо казахских слов литературного языка: *шалбар*, *жарғақ*, *азбаң*, *марқа*, *барғым келеді*, *аң қарайық*, *ерте* и других, и, в свою очередь, в некоторых районах западного Казахстана встречаются слова, которые отсутствуют на юге, например: *көпшік* «подушка», *бұрыс* «матка», *бөтеке* «почка», *сақ* «солома», *ыза* «сырость», *көбен* «стог», *бау* «заходить» (о солнце), *сабу* «слабый», *сақын* «берегись», *бізін* «наш», *сізін* «ваш» (вместо *біздің*, *сіздің*) и другие.

Некоторые местные различия в казахском языке признает и проф. Н. Т. Сауранбаев: «...относительная монолитность казахского языка, — пишет он, — вовсе не означает, что в нем нет никаких различий. В народном разговорном языке имеют место различного рода фонетические, лексические и грамматические отклонения, расхождения. Они суть: 1. Пережитки некогда существовавших диалектов (родоплеменных языков). Сюда условно можно отнести параллельные употребления с и ш (*мысық* — *мышық* «кошка», *тексер* — *текшер* «исследовать»); чередование *т/д* (*теңіз* — *деңіз* «море»); чередование *ч/ш* [*шапан* — *чапан* «халат», *шалғы* — *чалғы* «коса» (орудие)] и т. п.¹³ Однако, несмотря на то, что приведенные примеры и факты являются показателем диалектных разли-

⁹ Там же, стр. 3.

¹⁰ Н. Т. Сауранбаев, Некоторые черты древнекипчакского языка, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1948, № 12, стр. 16.

¹¹ См. Г. Д. Санжеев, Образование и развитие национальных языков в свете учения И. В. Сталина, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 117.

¹² См. Г. Мусабаев, Об изучении истории казахского языка в свете трудов И. В. Сталина, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 9, стр. 94.

¹³ Н. Т. Сауранбаев, Письмо в редакцию, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 11, стр. 113.

чий в казахском языке, проф. Н. Т. Сауранбаев рассматривает их только как пережитки когда-то существовавших диалектов и говоров.

2

При решении вопроса о диалектной структуре конкретного языка, как это подчеркнул в своих трудах по языкознанию И. В. Сталин, необходимо исходить из конкретных исторических условий развития данного народа и языка. Отношение диалектов и говоров к общенародному языку, позднее к общенациональному, а также к языку литературному в разные эпохи бывает различным. Если в эпоху языков народностей диалект является разновидностью общенародного языка, то в эпоху национальных языков он отживающая и отмирающая категория.

Казахский язык не является исключением в отношении этих закономерностей. В нем, как и в других языках, имеются свои местные, территориальные диалектные особенности, которые возникли и существуют в силу различных исторических причин и которые постепенно, но неравномерно для всех диалектов и говоров нивелируются и исчезают в эпоху становления и развития общенационального казахского языка.

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране в связи с развитием экономики и культуры и повышением грамотности населения еще более усиливается влияние литературного языка на общенародный разговорный язык. Однако в силу устойчивости языковых форм и явлений, а также в связи с различными историческими условиями многие особенности в местных диалектах и говорах сохранились и до настоящего времени.

Одни диалекты и говоры казахского языка распространены на обширной территории с многочисленным населением. Другие же говоры имеют весьма ограниченное распространение и замыкаются внутри одного колхоза или деревни. Так, например, население колхоза «Болат Қосшы» Джамбульской области, имея в своем составе представителей различных национальностей (казахов, киргизов, узбеков и др.), образует особую смешанную группу, известную под именем шала-казахов, которая, находясь на одной территории и ныне в одном колхозе, говорит на особом говоре, отличном от других говоров казахского языка¹⁴. Несмотря на свое небольшое распространение, этот говор представляет также несомненный интерес для казахской диалектологии.

И. В. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» дал исчерпывающие ответы на вопросы о возникновении и развитии языка. «...язык и законы его развития,— говорит И. В. Сталин,— можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹⁵.

История казахского народа тесно связана с историей племен и народностей, входивших в состав восточного и западнотюркского каганата в VII—VIII вв., когда в центральном Казахстане происходило зарождение патриархально-феодалных отношений. На этой основе сформировались позже и кыпчакский союз, в состав которого вошла часть древних казахских племен (часть канглы и др.). Другая часть (уйсуны-дулаты и др.) после распада тюркского каганата вошла в состав государства карлуков и караханидов. В период монгольского нашествия территория Казахстана была раздроблена, и древние племена казахов, населявшие северо-

¹⁴ См. Ж. Доскараев и Г. Мусабаев, Местные особенности казахского языка, ч. I, Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1951, стр. 104—107 (на казах. яз.).

¹⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

западную и южную часть, были разобщены: они делились между отдельными владениями наместников Чингис-хана; некоторые же казахские области до вхождения их в состав России продолжительное время находились под властью среднеазиатских ханов.

Процесс объединения различных родоплеменных союзов и их дробления явился причиной образования диалектов и говоров внутри языков и народностей. По этому вопросу Н. А. Баскаков пишет: «...местные или „территориальные“ диалекты, представляя собой результат исторического развития языка, продукт объединения и распада родовых и племенных языков, сохраняют особые черты своего словарного состава и грамматического строя»¹⁶.

Как в период монгольского нашествия, так и ранее, в период тюркского каганата, диалекты существовали в рамках древних тюркских племен, которые позже вошли в состав казахской народности. Однако сейчас мы не можем точно установить, какие диалектные различия были характерны для древних племен и родов, вошедших в состав казахского народа. История казахского народа свидетельствует о том, что казахи как единый народ, имевший единый и общий язык, появились в XV в. В его состав вошли родственные племена и некоторые группы других народностей (монголов и др.). В связи с объединением этих племен произошло сглаживание различий, которые тогда существовали между племенными языками, диалектами. Поэтому местные диалектные особенности в эпоху формирования языков народностей имели уже иную структуру и не совпадали с родоплеменными делениями.

Известно, что основная масса населения Казахстана вела кочевой образ жизни. Это бесспорный факт, ибо главной отраслью хозяйства казахов было кочевое скотоводство. Содержание скота на подножном корму требовало регулярных перекочевков. Радиус кочевания был различен. Богатые хозяйства, располагавшие большим количеством пастухов для скота и домашних услуг, могли кочевать на большее расстояние по сравнению с менее состоятельными хозяйствами. В условиях кочового скотоводческого хозяйства древние племена казахов, населявшие территорию Казахстана, не прерывали культурно-экономической связи между собой. Они ежегодно передвигались на далекое расстояние с севера на юг и обратно. Это обстоятельство определило постепенный процесс нивелировки, отмирание диалектов бывших племенных языков и привело к тому, что ныне местные особенности в казахском языке не имеют резких различий и различия эти проявляются только в сфере фонетики, лексики и лишь в некоторой степени в области грамматического строя.

В силу этих исторических условий разговорный казахский язык представлен ныне двумя большими группами говоров:

1) юго-восточных, распространенных в областях Южно-Казахстанской, Джамбульской, Алма-Атинской и районах юго-запада Талды-Курганской области (Талды-Курганский, Кировский, Каратайский и другие районы) и юго-востока Кызыл-Ордынской области (Чилийский, Жана-Курганский и другие районы);

2) северо-западных, распространенных в областях Западно-Казахстанской, Актюбинской, Гурьевской, Кустанайской, Карагандинской, Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, в районах (Казахлинском, Аральском и др.) западной части Кызыл-Ордынской и северо-западной части (Абдрайский, Абасевский, Чубартаевский и другие районы) Семипалатинской областей.

¹⁶ Н. А. Баскаков, Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, «Труды Ин-та языкознания», т. I, М., 1952, стр. 10.

Внутри северо-западной группы говоров имеются некоторые фонетические и лексические расхождения, но эти расхождения настолько незначительны, что их считать диалектными различиями нельзя.

Характерные признаки этих групп говоров в области фонетики таковы:

1. Наличие неустойчивости отдельных гласных в некоторых словах юго-восточных говоров, например: *мэзун* — *мазун* «содержание», *қайтеді* — *қайтеді* «что делает? как делает?», *қария* — *қария* «старик».

2. Наличие чередования звуков *а/ы* в некоторых словах северо-западных говоров, например: *сайаз* — *сайыз* «мель», *айқара* — *айқыра* «охватывая», *арқалы* — *арқылы* «через», *айырмасы* — *айырмысы* «различие», *алы-тапы* — *ылы-тылы* «торопливо» и др.

3. Наличие преимущественно негубных гласных в некоторых юго-восточных говорах при соответствии им губных гласных в северо-западных, например: *бықтыру* — *бұқтыру* «разварить», *кебе* — *көбе* «ягненок раннего приплода», *інемі* — *үнемі* «все время», *кеуірт* — *күірт* «спички» и др.

4. Наличие в юго-восточных районах звука *ч* при соответствии ему *ш* в северо-западных, например: *чеше* — *чече* «мать», *чал-шал* «старик», *чабын* — *шабын* «покос», *энчі* — *энші* «певец», *малчы* — *малшы* «пастух». Эти фонетические явления распространены в большинстве говоров юго-восточных районов, начиная от Алтая-Тарбагатай до Арысского района Южно-Казахстанской области.

5. Противопоставление типов ассимиляции согласных *ңл* в юго-восточных говорах и *ңд* в северо-западных, например: *таңлай* — *таңдай* «нёбо», *теңдік* — *теңдік* «равноправие», *тыңлау* — *тыңдау* «слушать» и др.

6. Наличие в говорах юго-восточных районов *дэс* при соответствии ему *жс* в северо-западных, например: *дәсігіт* — *жсігіт* «молодец», *дәсоқ* — *жсоқ* «нет», *дәсер* — *жсер* «земля», *дәсайлау* — *жсайлау* «летнее пастбище» и др. Это явление характерно для большинства юго-восточных говоров.

7. Преимущественное наличие в начале слова звонкого *б* в северо-западной группе говоров при *б/п* в юго-восточных группах (*бейнет* — *пейнет* «муча, мучение», *бида* — *пида* «веревка, продетая в нос верблюда» и др.). В северо-западных говорах звук *п* в начале слова неизвестен (исключения составляют заимствованные слова).

8. Наличие чередования сонорных звуков *п/ң* в юго-восточных говорах при отсутствии его в северо-западных, например: *қалың* — *қалын* «толстый, густой», *көбең* — *көбен* «разжиревший» (о животном), *біздің* — *біздің* «наш», *өлең* — *өлен* «песня» и др.

9. Наличие колебания *с/ш* лишь в некоторых словах (*қышқаш* — *қысқас* «щипцы», *шама* — *сама* «чайный отвар» и др.) в северо-западных говорах в отличие от юго-восточных, где это колебание наблюдается чаще (*тұрмыс* — *тұрмыш* «жизнь», *есек* — *ешек* «осел», *тысқары* — *тышқары* «наружу» и др.). Следует отметить, что употребление звука *ш* вместо *с* в казахском языке наблюдается реже, чем в некоторых других тюркских языках.

10. Наличие чередования звуков *ж/ш* в некоторых словах ряда говоров северо-западных районов в отличие от юго-восточных, например: *был-жырақ* — *былшырақ* «мокрый» и др.

11. Соответствие (иногда) в некоторых говорах звонкого *д* начальному глухому звуку *т* литературного языка: *деңіз* — *теңіз* «море», *дүз* — *тұз* «соль», *дiзгiн* — *тiзгiн* «поводья», *диірмен* — *тиірмен* «мельница» и др. Это явление особенно наблюдается в разговорной речи юго-западных областей Казахстана. Признак, отчасти объясняющийся влиянием огузской группы языков.

В общенародном языке наблюдаются также большие диалектные различия и со стороны лексики, чего нет в литературном языке. «Особенности того или иного диалекта,— пишет проф. А. С. Чикобава,— могут обнаружиться в том, что определенные слова одного диалекта не встречаются в другом диалекте или те же слова имеются, но произносятся по-разному, или же произносятся одинаково, но имеют разные значения, или же одни и те же слова отличаются и по произношению, и по значению...»¹⁷

Это положение в известной мере относится и к говорам казахского языка, в частности к различиям в области лексики. Приведем несколько примеров:

1. В южных районах Казахстана употребляются такие слова, как, например: *келе* «землянка», *тесе* «мотыга», *ақа (ушақа)* «вилы», *қыс* «кирпич», *елкесер* «сито», *егер (ер)* «седло», *пешене* «лоб», *сым* «брюки», *сыпыра* «скатерть», сделанная из кожи», *мойын тұрық* «ярмо», *мият* «сторонник, защитник», *бәсіре* «принадлежность», *шар* «мелкие травянистые отбросы пшеницы», *кәшек (көшек)* «солома», *кірлен* «таз для стирки белья», *сәмбе (шәмбе)* «чайный отвар», *қосу, чегу* «запрягать» (лошадь), *опайдау* «молотить», *шұрқан салу* «буйнить», *мият болу* «заступиться, защищаться» и другие. Эти слова не встречаются в северных районах, где в свою очередь также имеется много слов, отсутствующих в южных, например: *көбе* «ягненок раннего приплода», *көпеш* «ягненок позднего приплода», *сота* «палка, палица», *шөт* «мотыга», *шөтеке (шөпсуығыш)* «сенодергалка», *оттық* «ясли для скота», *елеуіш* «сито», *кәкпір* «ковш», *бақыр* «ведро», *балташы* «плотник», *кегей (деңгелектің шабағы)* «спица у колеса», *оуды, көрім* «хорошо» (на юге — *көрім* «отвратительный»), *бұла* «мануфактура, товар», *манду* «развитие, рост», *жуырда* «ближайший», *шекейін* «предел, до» и другие.

2. В северо-западных говорах и в литературном языке имеются такие слова, как, например: *дже* «отец», *үй* «дом», *төр* «почетное место», *тоңу* «замерзнуть», *сақ (сау)*, *сауығу* «выздороветь», *сұрау (сорау)* «спрашивать» и другие, которые встречаются в том же значении в древнеписьменных памятниках тюркских языков VIII в., в юго-восточных же говорах указанные слова не выражают первоначального содержания. В юго-восточных районах, в отличие от северо-западных: *эке* «дитя, ребенок», *мұздау* (вместо *тоңу*) «замерзнуть», *сақаю* «выздороветь», *сұрау* «управлять, руководить» и т. д.

3. Наблюдаются случаи, когда одинаковые предметы, явления в различных районах называются по-разному, например, в юго-восточных районах: *тана* «теленка в возрасте от одного до двух лет», *қора*, *жсайдақ қора* «загон для овец», *ұрнақ* «отруби», *кетпен* «мотыга», *долы* «град» (*долы* *ұрды* «град побил»), *эуен* «песня, голос», *тіршілікке бару* «идти на работу», *қос айдау* «пахать», *чанда (шанда)* «иногда». В северо-западных говорах им соответствует: *тайынша*, *қотан*, *кебек*, *кетпен-шот*, *бұршақ*, *эн*, *жұмысқа бару*, *жсер жырту*, *анда-санда* и т. д.

4. Часто слово имеет в одном говоре лишь одно значение, в другом же — два, например, в юго-восточных говорах слово *қос* обозначает «соха» или «плуг с упряжкой», «шалаш»; в северо-западных говорах слово *қос* обозначает только «шалаш наподобие юрты, используемый во время сезонных работ». В юго-восточных говорах: *тіршілік* «жизнь, существование» и «работа»; *қызыл* «красный» и «очищенное зерно»; *қосу* «запрягать» (о лошади) и «прибавить»; *суыру* «веять» и «вынимать, вытягивать»; *шелдеу* «утрамбовать» и «соскабливать» (жир или мясо со шкуры животного); в северо-западных говорах: *тіршілік* только «жизнь, существование»,

¹⁷ А. С. Чикобава, Введение в языковедение, ч. I, М., Учпедгиз, 1952, стр. 61.

қызыл только «красный», қосу «прибавить», шелдеу «соскабливать» и т. д.

Следует отметить, что лексические элементы легко могут заимствоваться одним говором из другого. Поэтому границы распространения отдельных слов могут не совпадать с границами между основными двумя говорами казахского языка. Например, слова *жесейде* «мужская рубашка», *ақыр* «ясли для скота», *жертөле* «землянка», *самбе* «чайный отвар», *жасолым үй* «юрта» и другие, присущие говорам населения южных районов, встречаются и в некоторых районах северо-западных областей.

В общенародном казахском языке имеются также некоторые диалектные особенности и в области грамматического строя, из которых специфическими отклонениями являются:

1. Наличие преимущественно параллельного употребления падежей некоторых слов в северо-западной группе говоров в отличие от юго-восточной, например: *суда жезіді* // *суға жезіді*; *бұрын молданан оқыды* // *бұрын молдаға оқыды*; *атты мін* // *атқа мін*; *былтыр осы айда жасаңбыр жсауды* // *былтыр осы айға жасаңбыр жсауды*. Отмечая параллельное употребление падежей в говорах казахского языка, мы ограничились лишь несколькими примерами, указывающими на отклонение от норм казахского литературного языка. В общенародном разговорном языке такое параллельное употребление падежей является одной из его особенностей, характеризующих отличие разговорного языка от литературного.

2. Употребление в северо-западных говорах формы прошедшего времени, образованной от неопределенного наклонения на -лы, -лі [барулы, жсаулы, бағулы вместо барыпты «поехал» (давно прошедшее время) и др.]. Такие же реликты диалектных различий обнаруживаются как в юго-восточных, так и в северо-западных говорах, например, вместо общепринятых форм *бар* «иди», *барар* «вероятно, пойдет», *барсаңшы* (барсайшы) «ну-ка иди, иди-ка», *баратын еді* «должен был поехать», *бартұрған* «то, что есть» употребляются *барың*, *барұр*, *барғыл*, *барсай*, *баратынды*, *бартұғын* и т. п.

3. Наличие формы причастия на -жақ, -шақ в северо-западных говорах при отсутствии ее в юго-восточных. Причастие будущего времени в северо-западных говорах оформляется на базе деепричастий, например: *баражсақ* «долженствующий идти» (в западной группе).

4. Употребление в северо-западных говорах причастий прошедшего времени в форме *бара жатқан*, *бара жатырған* «идущий», а также *бара жатыр* (форма настоящего времени), тогда как в юго-восточных соответствуют им *барайтқан*, *барайатыр*, *баратыр*. Следует отметить, что формы *барайатыр*, *барайатқан* встречаются и в некоторых районах западных областей Казахстана. Чередование же звуков *ж/й* в некоторых словах (*баражатыр*—*барайатыр*, *қай жсаққа*—*қай йаққа*, *қайаққа* и др.) для большинства северо-западных говоров, как правило, не характерно.

5. Употребление в южных говорах повелительного наклонения 2-го лица единственного числа с аффиксом -қын, -ғын/-кін, -гін (*айтқын* «скажи, скажите» вместо литературного -айт, *айтыңыз*), в северо-западных же эта форма отсутствует.

6. Употребление сложной формы желательного наклонения, например: *менің ұйықтағым бар* «мне хочется спать», *оның ұйықтағысы жсоқ* «ему не хочется спать» и др. Эта форма является характерной для разговорной речи населения юго-восточных районов.

7. Употребление в юго-восточных говорах архаичных форм творительного падежа, отсутствующих в северо-западных говорах, с послелогом *мынан/бынан* вместо *менен* (*ол атпынан келді* «он поехал на лошади», *поезбынан барды* «он поехал в поезде» и др.).

8. Наличие замены местного падежа формой с аффиксом *-лы* в юго-восточных говорах при отсутствии ее в северо-западных (*жұмысқа уақытымы келеді* «он приходит на работу во-время» вместо *жұмысқа уақытында келеді* и др.).

9. Наличие желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-лы, -лі* в юго-восточных говорах при отсутствии его в северо-западных: *баралы* «пойдем», *көрелі* «увидим», *аң қаралы* «пойдем на охоту» вместо *аң қарайық, аңға шығайық*).

Изучая эти две основные группы говоров (юго-восточные и северо-западные) казахского языка, которые имеют также, в свою очередь, и под-говоры, мы приходим к заключению, что северо-западные говоры утратили некоторые черты, сохраняющиеся в юго-восточных говорах. Об этом свидетельствует наличие некоторых архаических явлений в юго-восточной группе говоров, например: звуки *ч, дж* и чередование звуков *б/м* (*бұны* — *мұны*, *бұнша* — *мұнша*), сохранение заднеязычных *з, ж* в некоторых словах: *ұрығ* — *ұру* «род, племя», *шабық* — *шабу* «покос», *жасамақ* — *жасамау* «починка», *сылақ* — *сылау* «смазывание», *құмған* — *қуман* «чайник», *суғару* «поить», *жоғармақта* «недавно, на днях» и другие. Об этих явлениях С. Е. Малов писал: «...в более древних языках здесь сохраняются заднеязычные, а в более новых они изменяются в другие звуки»¹⁸.

Наличие употребления в северо-западных говорах звуков *жс* (*жсоқ*) вместо *джс* (*джсоқ*), *м* (*мұны*) вместо *б(бұны)*, *у* (*асу, сыбау*) вместо *қ, ғ* (*асық* «излишек», *сыбақ* «смазывание»), выпадение *к, г* в словах *біз* «шило», *бірдеңе* «что-либо», *ештеңе* «ничего» (в юго-восточных говорах: *бігіз, бірдеңке, ештеңке* и др.), а также употребление грамматических форм *кешке* «вечером» вместо *кешкі-сін, мен* (*сенімен* «с тобой») вместо *мынан* (*сенімынан*) являются новообразованием по сравнению с вышеуказанными архаическими явлениями.

Кроме того, в отдельных районах встречаются такие слова, бытование которых обусловлено специфическими условиями хозяйства этих районов, например, только на юге употребляются следующие слова: *қуыр, қумыр* — от слова *қум* «водопровод»; *құлақ* «отводной канал»; *жертіс* (*қолтіс*) «старая примитивная соха» (в северо-западных районах — *соқа*); *қум* «большая глиняная посуда»; *тұту* «держатъ» и другие. Употребление этих слов является одной из особенностей юго-восточной группы говоров в отличие от северо-западной группы.

Что касается диалектных особенностей разговорной речи населения Восточно-казахстанской области, юго-западных районов (Кокпектинского, Аксуатского, Жерминского и др.) Семипалатинской и юго-восточных районов (Капальского, Аксуйского, Алакольского и др.) Талды-Курганской областей, то они представляют собой характер переходного говора.

Характерные особенности этого говора не встречаются в пределах вышеуказанных северо-западных областей Казахстана. Например, чередование звуков *ш/ч* (*шүберек* — *чүберек* «трипка», *шығып* — *чығып* «выйдя» и др.), *б/п* (*бұтақ* — *пұтақ* «ветвистый», *беріп қалды* — *періп қалды* «он стукнул» и др.), *д/л* (*таңдай* — *таңлай* «вёбо», *тыңдау* — *тыңлау* «слушать» и др.). Наличие таких слов, как, например, *там* (вместо *үй*) «дом», *тесе* (вместо *шот*) «мотыга», *көрелдес* (вместо *көрпеш, кобей*) «ягненок позднего окота», *пысу* (вместо *пісу*) «созревать», «свариться», *тыстау* (вместо *тастау*), *эйелін тыстау* (буквально: «бросить жену»)

¹⁸ С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 2, стр. 141.

«разводиться с женой», *чегу* (вместо *жесгу*) «запрягать», *қос айдау* (вместо *жесирту*) «пахать землю», *сыйқыты* (вместо *сықылды*, *сыяқты*) «подобный», «подобно», «вроде» и др.

Говоры населения отдельных районов имеют также особенности, обусловленные их языковым окружением. Так, в говорах юго-восточной группы имеются элементы узбекского, киргизского и отчасти уйгурского языков, а в северо-западной группе — элементы русского (в большей мере, чем в юго-восточных), а также татарского и башкирского языков. Например, в некоторых областях северо-западной части Казахстана встречаются такие слова, как *мәтке* «матка», *божы* «вожжи», *пар* «зябрь», *помылы* «помощь», *постромке* «постромка», *нәселке* «носилки», *жсар* «стена», *ындыр* «ток», *шәрке* «лапти», *сүлгі* «полотенце», *бию* «плясать»; наблюдается чередование *о/у* в словах *қортынды* — *құртынды* «вывод, заключение»; *қолдау* — *құлдау* «применять, употреблять». Эти слова и грамматические формы в юго-восточных районах отсутствуют. Там вместо вышеуказанных слов употребляются: *қары*, *өрлік* (вместо *мәтке*), *делбе*, *сүдгер асар*, *жанжип*, *зембіл* и т. д.

Наконец, в заключение следует отметить, что основные говоры казахского языка имеют определенные территориальные границы. В этом отношении не прав Н. Т. Сауранбаев, который отрицает существование территориальных границ диалектных различий в казахском языке. В своей статье «Письмо в редакцию» он пишет: «...диалекты должны иметь свои определительные фонетические, грамматические и лексические особенности, отличающие их друг от друга. Кроме того, они должны иметь определенные границы. Если подойти к существующим различиям в разговорном языке с этой точки зрения, то они не отвечают этим условиям»¹⁹. Это положение не соответствует действительности, ибо многие лексические, фонетические и некоторые грамматические особенности, указанные в данной статье, свойственны тому или иному говору в определенных его границах; исключение составляют только те особенности, территориальные границы которых не всегда удастся установить.

При изучении говоров казахского языка, особенно при изучении говоров населения районов, смежных с другими народностями (узбеками, киргизами и др.), встречаются трудности, связанные с отсутствием фактических данных по сравнительно-историческому изучению говоров близкородственных языков. Поэтому вопрос сравнительного изучения языков, их диалектов и говоров должен стать одним из важных вопросов диалектологии, так как применение сравнительно-исторического метода изучения говоров позволит правильно подойти к сложным вопросам межязыковых и междиалектных отношений родственных языков в соответствии с историей народов — их носителей. Такое изучение языка и его говоров дает возможность определить пути развития, установить основы казахского литературного языка. В этой связи разрешение вопроса об отношении литературного языка к говорам казахского языка имеет большое теоретическое и практическое значение в казахском языкознании.

¹⁹ Н. Т. Сауранбаев, Письмо в редакцию, стр. 112.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы ЯЗЫКОЗНАНИЯ

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1955

Н. Т. САУРАНБАЕВ

ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

1

Одним из отстающих разделов казахского языкознания является казахская диалектология. Дореволюционные тюркологи не обращали внимания на изучение диалектов и говоров. Большинство исследователей считало, что в казахском языке отсутствуют какие бы то ни было диалектные различия¹. Это же мнение разделяли и казахские языковеды до 1937—1938 гг. Только начиная с 1937 г. стали проводиться экспедиции по собиранию материалов по казахским диалектам. Однако долгое время эти материалы оставались необработанными. Лишь с 1946 г. стали появляться отдельные статьи по казахской диалектологии².

После окончания войны С. А. Аманжолов изучил материалы диалектологических экспедиций и написал докторскую диссертацию на тему «К вопросу о казахской диалектологии». К сожалению, эту работу автор по неизвестной причине до сих пор не опубликовал. В 1951 г. вышел в свет небольшой диалектологический сборник³. В 1954 г. сдана в печать работа Ж. Доскараева «Материалы областной лексики казахского языка». Наконец, в 1953 и 1954 гг. на страницах журнала «Вопросы языкознания» были опубликованы статьи С. А. Аманжолова и Ж. Доскараева о диалектах казахского языка⁴. Таким образом, казахские языковеды вопросами казахской диалектологии вплотную стали заниматься только за последние 8 лет.

В связи с этим среди лингвистов казаховедов возник ряд спорных вопросов, которые были предметом специального обсуждения на дискуссии по вопросам казахского языкознания, проведенной в феврале 1952 г. В силу малой изученности казахских диалектов дискуссия не могла решить эти спорные вопросы. Она показала низкий уровень диалектологических исследований в Казахстане и вынесла решение о необходимости дальнейшего изучения диалектов и говоров казахского языка. При этом указывалось на то, что диалекты должны изучаться не в рамках жузов или родо-племенных объединений, а в связи с историей

¹ См.: В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. III, СПб., 1870, стр. XVIII; П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, СПб., 1894, стр. 3.

² См. Ж. Доскараев, Краткий очерк о южном диалекте казахского языка, «Известия АН Казах. ССР», Серия филологическая, вып. 4 (29), 1946; С. Аманжолов, К истории изучения казахских диалектов, «Известия АН Казах. ССР», № 77, Серия лингвистическая, вып. 5, 1948.

³ Ж. Доскараев, Г. Мусаббаев, Местные особенности казахского языка, ч. I, Алма-Ата, 1951 [на казах. языке].

⁴ С. А. Аманжолов, О диалектах казахского языка, ВЯ, 1953, № 6; Ж. Д. Доскараев, Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка, ВЯ, 1954, № 2.

всего казахского народа, специфическими особенностями хозяйственной и культурной жизни населения отдельных территориальных районов Казахстана, а также с учетом взаимосвязи казахского языка с другими языками.

2

Продолжающиеся донныне споры о казахских диалектах идут не в плане отрицания или признания их в казахском языке, а в направлении классификации и определения их генезиса. Многие казахские языковеды возражают не против диалектов, а против родо-племенной их природы.

Констатируя имеющиеся в казахском языке диалектные различия, мы расходимся с некоторыми языковедами, в частности с С. А. Аманжоловым, в понимании этих различий. Серьезное сомнение вызывает положение о том, что современные диалекты или говоры якобы имеют реальную связь с теми родо-племенными диалектами, которые существовали в период до образования единой казахской народности. С. А. Аманжолов в одной из своих брошюр писал следующее: «Казахские диалекты — это противоположность литературного языка, в своей основе они — язык родов и племен, их остатки... Одним словом, их можно называть языком племен и народов»¹. Здесь автор с предельной четкостью сформулировал свою точку зрения на современные диалекты, определяя их как языки родов и племен. Такое, как нам кажется, неправильное понимание диалектов привело автора к признанию лишь родо-племенных диалектов и отрицанию существования единого языка, ответвлением которого являются диалекты. Общепородный язык, в понимании С. А. Аманжолова, — это совокупность родо-племенных диалектов. Едва ли нужно доказывать ошибочность и надуманность подобного представления о современных диалектах и об их отношениях к общепородному языку.

Мы не отрицаем возможности исторической связи казахского языка с языками тех племен и родов, которые жили в древности на территории Казахстана и которые вошли в этнический состав казахского народа. Но в силу происходивших изменений как в языке, так и в жизни его носителей эта связь ныне стала почти неуловимой. Нам представляется, что процесс складывания единого языка казахской народности сопровождался прежде всего нивелировкой и утратой черт родо-племенных диалектов. Этому процессу не мог не способствовать, например, такой факт, как смешение родов и племен тюркского происхождения, а также различных этнических групп других, иноязычных народов. Разноплеменность этнического состава казахов была отмечена многими дореволюционными исследователями. Н. А. Аристов писал: «... по своему географическому положению, киргиз-казахские степи помещали все непосредственно спускавшиеся в них с Алтая тюркские племена, а потом дали приют и остальным тюркским племенам, обитавшим первоначально в Монголии, так что в составе киргиз-казахов можно ожидать найти представителей всех главнейших и древнейших тюркских племен»². Аналогичные сведения сообщает акад. В. В. Радлов. В частности, он писал: «О происхождении киргизов (казахов. — Н. С.) нам очень мало известно. Родовые их имена свидетельствуют о том, что и киргизы образовались из различных народов, как это доказывают, напр., названия племен: кыпчак, аргын и най-

¹ С. Аманжолов, Казахский литературный язык, Алма-Ата, 1949, стр. 8 [на казах. яз.].

² Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, СПб., 1897, стр. 76.

ман (последнее бесспорно монгольского происхождения). Но повидимому эти различные элементы слились между собою уже очень давно, потому что китайцы уже за несколько столетий тому назад говорят о народе „ха-са-ки“¹.

Изучение этнического состава казахов и в наше время показывает не только чрезвычайную его пестроту, но и неоднородность различных родо-племенных групп, образующих казахскую нацию. Например, родо-племенные названия: уйсуны, канглы, найманы, дулаты, аргыны — встречаются в настоящее время в различных территориальных районах. В этом отношении особенно характерен этнический состав казахов Западного Казахстана. Говоря словами Н. А. Аристова, «... состав малой Орды весьма пестрый, ибо в нее, видимо, вошли многие части разных тюркских племен, закинутые судьбою из Монголии и с востока степи на запад»². Вполне очевиден и тот факт, что процесс смешения, слияния различных племен на территории Казахстана происходил очень давно, в период еще до образования единой казахской народности, о чем и говорит В. В. Радлов.

Таким образом, смешение или слияние различных племен и родов, сложение их в единую народность, а также дальнейшее развитие этой народности в условиях весьма подвижного скотоводческого хозяйства не могли не привести к растворению, ассимиляции прежних родо-племенных диалектов. Однако надо оговориться, что растворение или ассимиляция родо-племенных диалектов не означает абсолютного исчезновения их. Речь идет об утрате всей совокупности специфических черт каждого из родо-племенных диалектов. Отдельные элементы, особенно фонетического характера, могут сохраняться в виде реликтов в разговорном языке или в отдельных говорах, возникших позже, в период развития единого языка народности.

Характер и количество диалектов и говоров, а также их соотношение на всех этапах истории развития языка не могут быть постоянными. В зависимости от общественно-экономических условий и состояния культуры, а также в условиях новых взаимоотношений с другими народами диалектные черты языка изменяются. Например, диалекты, их особенности, а также территория их распространения периода племен и племенных союзов, с одной стороны, и периода развития единой народности, с другой, не могут совпадать, хотя в последнем периоде отдельные элементы племенных диалектов могут присутствовать. Следовательно, определение и тем более классификация современных диалектных различий на основе сохранившихся в народе родо-племенных названий, не имеют реальной основы.

Один из крупных русских диалектологов Р. И. Афаносов на материалах русской диалектологии показывает качественно различные закономерности языкового развития на разных этапах истории. Он пишет: «Различные закономерности общественного развития в эпоху разных общественно-экономических формаций вызывают качественно различные закономерности языкового развития. Одни эпохи вызывают по преимуществу дробление языка, образование множества близких друг к другу диалектов; в другие эпохи, напротив, происходит объединение, концентрация этих диалектов в больших или меньших масштабах. В соответствии с этим в одни эпохи по преимуществу возникают диалектные различия, а в другие происходит нивелировка, сглаживание, объединение диалектов. Весьма часто одновременно имеют место оба эти процесса: в одних, в бо-

¹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. III, СПб., 1870, стр. XIV.

² Н. А. Аристов, указ. соч., стр. 111.

лее узких, пределах происходит объединение диалектов, а в других, более широких, напротив, — дальнейшее их расхождение, выработка новых диалектных различий¹. Эта характеристика закономерностей развития диалектов вполне справедлива и в отношении казахских диалектов. Современные диалектные различия казахского языка представляют собою новое образование, возникшее в период феодализма, когда окончательно сложилась единая казахская народность, т. е. после XV в.; следовательно, они — эти диалектные различия — не являются племенными.

С. А. Аманжолов судит о связи современных диалектов с родо-племенными языками не на основе языковых фактов, а исходя из сходства родо-племенных названий этнических компонентов казахов и древних племен. Он совершенно не учитывает того положения, что многие из этих этнонимов существуют у других тюркоязычных народов, например у узбеков, киргизов, башкир, татар и др. Эти этнические группы с одинаковыми или сходными названиями ныне говорят на разных языках. Объяснение причин общности их названий при громадном расхождении в языке находим у Ф. Энгельса. «На северо-американских индейцах, — пишет Энгельс, — мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному матерiku; как племена, расчлениаясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства; как наряду с этим внутри племен отдельные роды расчлениаются на несколько родов, старые материнские роды сохраняются в виде фратрий, причем, однако, названия этих старейших родов остаются все же одинаковыми у очень отдаленных и давно отделившихся друг от друга племен — волк и медведь остаются родовыми названиями еще у большинства всех индейских племен»².

Современные родственные тюркоязычные народы в своем историческом развитии настолько отделились от своих древних предков, что следы языкового единства потеряны. Следовательно, одни родо-племенные названия, кроме намека на существование некогда отдельных племен и родов, никаких данных о языковой связи дать не могут.

3

Как упоминалось выше, современные диалектные различия казахского языка мы рассматриваем как явление, возникшее после XV в., т. е. в период развития единого языка казахской народности при феодализме. Они по своим признакам не совпадают ни с племенными языками (диалектами), ни с утратившими давным-давно свое значение родо-племенными делениями казахов. Современные диалектные различия казахского языка обусловлены специфическими особенностями общественно-экономической и культурной жизни отдельных частей казахского населения, находящихся в различных районах обширной территории Казахстана. Немаюважное значение для возникновения диалектных различий имело взаимоотношение отдельных частей казахского населения с другими народами.

Диалектные различия казахского языка проявляются в определенных особенностях народной речи, которые прослеживаются в области фонетики, лексики и грамматики. В области фонетики мы наблюдаем следующие диалектные различия.

¹ Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949, стр. 21.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 98.

В начале, а иногда в аффиксах и в конце слова чередуются *ч/ш*. Например: *шай/чай* «чай», *шапан/чапан* «халат», *шоқпар/чоқпар* «дубина», *шалғы/чалғы* «коса», *шыбын/чыбын* «муха», *шығын/чығын* «расход», *бірінші/бiрiншi* «первый», *әншi/әнчi* «певец», *қамшы/қамчы* «кнул» и т. д.

Прежде мы предполагали, что употребление аффрикативного *ч* в начале слова свойственно по преимуществу языку населения южных областей. Однако дополнительное обследование показало, что употребление *ч* вместо *ш* имеет место также в юго-восточных районах, в частности в Талды-Курганской и Восточно-Казахстанской областях. Таким образом, употребление *ч* в начальной позиции распространено на огромной территории, начиная от Сыр-Дарьи до Западного Алтая и Тарбагатая. В Каратайском и Аксуйском районах Талды-Курганской области и в Тарбагатайском, Зайсанском, Курчумском районах Восточно-Казахстанской области говорят *чикi* вместо *шикi* «сырой», *чакпак* вместо *шакпак* «серянка, спичка», *чуберек* вместо *шуберек* «тряпка», *көпчiлiк* вместо *көпшiлiк* «большинство», *чал* вместо *шал* «старик», *камчы* вместо *камыш* «кнул», *бiрiншi* вместо *бірінші* «первый»¹. Аффрикативному *ч* юга и юго-востока в остальных областях, в частности северных, северо-западных и западных, соответствует проточный *ш*. Однако из этих двух чередующихся звуков в качестве общелитературной нормы употребляется в начальной позиции *ш*.

Судя по району наибольшего распространения аффрикативного *ч* можно предполагать, что он, видимо, возник позже *ш* под влиянием уйгурского, киргизского и узбекского языков, в которых этот звук является устойчивой фонемой. В пользу этого предположения говорят следующие факты. Во-первых, казахи юга и Семиречья с давних времен имели непосредственное соприкосновение с уйгурами, киргизами, узбеками, а местами жили и ныне живут смешанно. Во-вторых, есть и некоторые исторические сведения, свидетельствующие о том, что в XI в. в языке казахских племен, населявших южные районы Казахстана, употреблялся *ш*, а не *ч*. Так, В. В. Бартольд в своей работе «К вопросу о языках согдийском и тохарском», ссылаясь на Махмуда Кашгарского, пишет следующее: «Махмуд Кашгарский говорит о крепости Шу, построенной турецким царем этого имени, современником Александра Македонского, близ Баласагуна, которого в то время еще не было (Махмуд Кашг., Турец. изд., ч. III, стр. 305). Надо думать, что крепость стояла на реке того же имени и что в местном диалекте и тогда, как теперь в киргизском, звук *ч* заменялся звуком *ш*»². Населением побережья реки Шу ныне последовательно употребляется звук *ч*. Реку Шу называют Чу. По данным же Махмуда Кашгарского, на которого ссылается В. В. Бартольд, вместо *ч* употреблялся *ш*, как в языке казахов, живущих на севере и западе. Следовательно, появление *ч* относится, видимо, к позднему периоду и является следствием влияния уйгурского, киргизского и отчасти узбекского языков.

К следующему, более ярко выраженному звуковому различию диалектов казахского языка относится чередование *л/д*. Приблизительно в районах распространения *ч* главным образом после носовых *ң, н*, а иногда в интервокальной позиции вместо общелитературного *д* употребляется *л*. Это особенно характерно для языка населения Алма-Атинской, Джамбулской и Южно-Казахстанской областей, где говорят: *маңлай/маңдай* «лоб», *таңлай/таңдай* «нёбо», *тыңла/тыңда* «слушай», *аңлы/аңды* «следы, про-

¹ См. Ж. Доскараев, Г. Мусабаяев, указ. сборн., ч. I, стр. 44.

² Сб. «Иран», т. I, Л.-Изд-во АН СССР, 1927, стр. 36.

следы», *аңла/аңда* «понимай», *тірІлей/тірІдей* «живьем», *оңлы/оңды* «исправный, хороший» и т. п. Замена звонкого переднеязычного *д* сонорным *л* в слабой степени распространяется до Северного Приаралья и Зайсана на востоке. Например, в Иргизском районе говорят *қоңлану*, *қаралай*, *тірІлей* вместо общелитературного *қоңдану* «поправиться», *қарадай* «в необработанном виде», *тірІдей* «живьем, живым». То же самое наблюдается в Талды-Курганском, Каратальском районах Талды-Курганской области и Тарбагатайском, Зайсанском районах Восточно-Казахстанской области, где говорят *тыңлау*, *туңлқ*, *теңлқ*, *маңлай* вместо *тыңдау*, *түндік*, *теңдік*, *маңдай* (перевод этих слов дан выше).

Некоторые данные свидетельствуют о том, что употребление *л* после носовых сонорных *ң*, *н* вместо современного *д* является более архаичным. Сочетание *л* с сонорными *ң*, *н* отмечено в памятниках VIII—XIV вв. В частности, в памятнике Кюль-Тегина глагол *тыңда-* зафиксирован в форме *тыңла-*, как в языке казахов юга и юго-востока. Например, *ка-тығды тыңла* «крепко слушай»¹; в «Codex Sumanicus» глагол *аңда* «понимай» зафиксирован в форме *аңла*. Эти незначительные, но очень характерные факты заставляют предполагать архаичность употребления *л* и новизну *д* в этой позиции.

Кроме этих двух главных звуковых явлений, встречаются и другие фонетические расхождения, к числу которых относятся, например, чередования *с/ш*, *т/д*, *д/й*, *м/б*, *п/б* и др. Например:

1. *с/ш*: *тексер/текишер* «проверяй», *тұрмыс/тұрмыш* «жизнь», *житте», масқара/машқара* «позор», *тысқары/тышқары* «вне», *ұқсас/ұқшаш* «сходный, похожий», *мысқ/мышық* «кошка» и т. д.

2. *т/д*: *топ/доп* «мячик», *тым/дым* «очень», *тірмен/дірмен* «мельница», *теңіз/деңіз* «море», *тізгін/дізгін* «повод», *тізе/дізе* «колено».

3. *п/б*: *пайда/байда* «выгода», *болат/полат* «сталь», *пида/бұйда* «шнур», *перне/берне* «лады», *пиялай/биялай* «перчатка».

4. *м/б*: *мекіре/бекіре* «красная рыба», *шымышық/шыбышық* «воробей», *шыбыш/шымыш* «козленок», *матыру/батыру* «макать» и т. д.

Фонетические различия этого рода имеют некоторые особенности, отличающие их от первых двух звуковых явлений. Так, некоторые из этих различий не закреплены за определенной территорией. Вместо общекзахского *с* во многих районах в отдельных словах употребляется *ш*. Например, *ұқшаш* «похожий», *тышқары* «внешний», *мышық* «кошка», *тұрмыш* «жизнь», *машақ* «колос», *текишер* «проверяй» встречаются в языке населения отдаленных друг от друга аулов Убаганского, Торгайского районов Кустанайской области, Каратальского, Аксуйского районов Талды-Курганской области и в ряде районов Джамбулской, Кызыл-Ординской и Карагандинской областей.

Наравне с этим некоторые из фонетических различий оказываются типичными для населения определенных, сравнительно небольших районов. Например, в языке населения Северного Приаралья имеет место употребление широкого губного гласного заднего ряда *о* вместо узкого губного гласного заднего же ряда *ұ*. Ср. *сора, оқсат, оқсас* вместо общелитературного *сұра* «спроси», *ұқсат* «делай как следует» *ұқсас* < *ұқшаш* «похожий». Несколько западнее, примерно в Приуралье, мы наблюдаем обратную картину, т. е. замену обычных открытых гласных узкими губными гласными. Например: *құртынды*, *құлдау*, *мақсұт*, *құлдану* и т. д. вместо общелитературного *қортынды* «заключение»,

¹ См. С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М. — Л., 1951, стр. 27.

қолдау «поддерживать», *қолдану* «применять». В Туркестане мы имеем более или менее типичное для этого района явление — замену звонких *д*, *б* глухими *т*, *п*. Например, *пейнет*, *полат*, *перне*, *этейІ*, *пешене*, *пІтІру*, *таяр* вместо *бейнет*, «мука», *болат* «сталь», *берне* «лады», *эдейІ* «специально, нарочно», *бешене* «судьба», *бітІру* «кончать, заканчивать», *даяр* «готовый». Такие типичные звуковые особенности существуют и в языке населения других районов.

Таким образом, на основе вышеприведенных фактов с уверенностью можно говорить о двух главных группах диалектов, охватывающих две части территории Казахстана. Это группа диалектов *ш*, *д* на севере и западе и *ч*, *л* на юге и юго-востоке. Наряду с этим имеют место мелкие фонетические особенности, охватывающие более узкие районы, и наконец, существуют еще единичные фонетические расхождения, характерные для более дробных территориальных говоров.

Диалектные различия казахского языка более четко проявляются в разнообразии народной лексики. Большую часть собранных диалектологическими экспедициями материалов составляют лексические материалы. Они по своему объему значительно превышают материалы фонетические и по качественному составу являются чрезвычайно разнообразными. К диалектным расхождениям могут быть отнесены различные лексические явления. Так, для казахских говоров и диалектов характерно, что одно и то же понятие в языке населения разных районов получает разное словесное оформление, например, «спичка» в различных районах распространения казахского языка имеет следующие названия: *сіріңке* (от русского слова «серянка»); *спешке* (от русского слова «спичка»); *оттық* (от слова *от* «огонь»); *шақпақ* (от слова *шақ* «чиркнуть»); *кәгірт* (заимствовано из узбекского языка, в казахском будет *күгірт*); *шырпы* и др. Русскому «деньги» соответствуют: *теңге* (от русского слова «деньги»); *сом* (видимо, от русского слова «сумма»¹); *ақша* (от казахского слова *ақ* «белый»); *пул* (видимо, заимствовано из персидского языка через узбекский или уйгурский языки); *манет* (от русского слова «монета») и проч. «Балка» (брус) в различных говорах называется: *мәтке*, *арқалық*, *ұстын*, *балағаш*, *урлқ*, *көшер*, *білқ*.

Бывает и другой тип лексических различий, когда одно слово в различных районах имеет совершенно разные значения, например, слово *қарма* в Джамбулской области означает «жареная крупа», а в Кызыл-Ординской области «блюдо, приготовленное из фаршированной рыбы». Слово *кәрім* в Талды-Курганской области означает «хороший, приятный», а в Гурьевской области «плохой, неприятный». Слово *аула* — на севере «хлев», а на западе «курган».

Особую разновидность лексических различий составляют слова, бытующие только в определенной местности и не имеющие своего лексического соответствия в других районах. В языке населения Южного Казахстана, где развито бахчеводство, бытует много специфических слов, связанных с этой отраслью хозяйства, например, слова, *қурбі*, *ингелек*, *кулябі*, *торлама*, *құсқауын*, *кәксерке* в этом районе обозначают различные сорта дынь, которые отсутствуют в других местах. В районах, где занимаются рыболовством, употребляется специальная рыболовецкая терминология, например: *қарашорқын* «группа рыбаков»; *ақап* «разновидность сетей», *белкесе* «спинная часть рыбы», *шөлқ* «деревянная игла для ремонта сетей», *қурқп* «маленькая рыба», *тартым* «место, приспособленное для вытаскивания сетей» и т. п.

¹ На эту мысль наводит наличие в литературном языке слова *сома*, что означает «сумма».

В районах, где население больше занималось верблюдоводством, мы встречаем специфические слова, обозначающие дифференциацию названия верблюдов по породам, по возрастам, например: *жон, курт, балқоспақ, мырза қоспақ, жарбай, келе* и т. п. Эти названия в других местах не встречаются.

В образовании лексических различий, кроме хозяйственной специфики районов, немаловажное значение имел контакт населения определенного района с другими народами. Об этом свидетельствует, например, различное количество заимствованных из других языков слов в языке населения разных районов; например, в языке населения Семиречья много слов, заимствованных из киргизского и уйгурского языков: кирг. *кементай*, казах. *кебентай* «халат из войлока», кирг. *карма*, казах. *карма* «держки», «поймай», уйгур. *чаңза*, казах. *чанжа* «стропила». В языке казахов Южного Казахстана употребляется много узбекских слов, например, *дезмал* «утюг», *мэйек* «яйцо», *дэблам* «свекла», *шамал* «ветер» и др. В речи населения северных и западных областей больше встречается русских слов, например, в Убаганском районе Кустанайской области говорит *залыш* (от русского слова «залез»), *ураш* (от русского слова «рожа») и т. д. Надо заметить, что каждое из этих различий в основном существует в границах определенного, причем сравнительно небольшого района. Судя по материалам диалектологических экспедиций в казахском языке существуют несколько таких местных говоров. Однако диалектологические материалы еще далеко не достаточны для того, чтобы можно было дать классификацию всех говоров. На основе имеющихся в нашем распоряжении данных и личного наблюдения предположительно можно наметить наличие четырех говоров в языке населения южной полосы Казахстана (от Северного Приаралья до восточного предела Семиречья), а именно: сыр-дарьинский, чимкентский, чуйский и семиреченский говоры. Сыр-дарьинский говор характерен наличием специфических слов, связанных с рыболовством, рисоводством. Чимкентский говор отличается своеобразием лексики, связанной с садоводством, бахчеводством, хлопководством, а также значительным влиянием узбекского языка. Чуйский говор охватывает территорию между юго-западом и юго-востоком, характеризуется наличием значительного влияния киргизского языка. Наконец, семиреченский говор охватывает ныне две области (в прошлом одна область) — Алма-Атинскую и Талды-Курганскую. Он характеризуется лексикой, отражающей основное занятие населения — животноводство, земледелие, садоводство, а также известным влиянием уйгурского и частично киргизского языка.

Кроме фонетических и лексических различий народной разговорной речи, диалектные черты в известной степени обнаруживаются и в своеобразии грамматических форм, а также в фразеологии. Подробная характеристика этих особенностей заняла бы много места, поэтому ограничимся лишь приведением некоторых примеров.

Значительная часть диалектных расхождений отмечается в формах глагола. Во многих районах Кустанайской области довольно последовательно употребляется древняя причастная форма на *-мыш*, например: *жетілmiş* // *жетілген* «достигший»; *жазымыш* // *жазылган* «написанный»; *айтылмыш* // *айтылган* «сказанный»; *таңданмыш* // *таңданган* «удивленный» и проч. Нам кажется, что употребление аффикса *-мыш* вместо *-ган* объясняется влиянием книжного языка. В этих районах довольно широко и раньше, чем в других областях, распространялась литература, издававшаяся в Казани, в Уфе, Оренбурге, Троицке. Как известно, эта литература обычно печаталась на особом книжном языке, отличавшемся от общепародного языка наличием многих элементов чагатайского, арабского, персидского, татарского языков. Форма на *-мыш* довольно часто

употреблялась в этом книжном языке. В районах этой же области аффиксы *-са, -сы* в некоторых случаях заменялись аффиксами *-шақ, -шек*, например: *алашақ, берешек* вместо *аласы < аласа, бересі < бересе* «притягивающий долг».

В районах западных областей, а также и в пределах Актюбинской и Кызыл-Ординской областей употребляется форма на *-жақ, -жек* вместо *-шақ, -шек*, например: *бержақ/бершек* «должен отдать», *айтажақ* «должен сказать» и т. п. Одновременно в этих же районах западных областей вместо обычной формы давнего прошедшего времени, например, *келіпті* «он пришел», *көріпті* «он видел» употребляется форма на *-улы, -улі*, например, *келулі* «оказывается, приехал», *көрулі* «оказывается, видел».

На огромной территории юга и юго-востока распространена сокращенная форма 1-го лица повелительного наклонения на *-лы, -лі*, например, *баралы* вместо *барайық* «пойдемте», *журулі* идемте». На севере и западе одновременно с формой на *-лы, -лі* существует форма на *-лық, -лік*. Ср., например, *баралық < баралы, журулік < журулі*. Очевидно, форма на *-лы, -лі* образовалась путем выпадения звука *к/к* в аффиксе *-лық, -лік*, что объясняется влиянием узбекского и уйгурского языков¹. Такие же расхождения прослеживаются и в отношении других грамматических форм.

Различия в области фразеологии могут быть проиллюстрированы следующими примерами. В районе Сыр-Дарьи говорят *бір ауық* вместо *бір уақыт* или *бір мезгіл* «один момент»; в Кустанайской области говорят *кіл өтірік* вместо *тіпті өтірік* «сущая неправда», *сазадан көріну* вместо *жақыннан көріну* «быть видным вблизи».

Говоря о различных формах проявления диалектов или говоров, нельзя не отметить то положение, что границы фонетических, лексических, морфологических и особенно фразеологических различий не совпадают. Как видно из вышеприведенных фактов, одни диалектные признаки распространены сравнительно на большой территории, а другие охватывают лишь небольшой район.

Следует также сказать, что говоры в большей степени обнаруживаются в лексических различиях, чем в морфологических и фонетических, хотя вместе с тем они могут иметь и фонетические, и морфологические признаки. Например, говорам юга и юго-востока, о которых речь шла выше, в фонетическом отношении свойственно употребление *ч, л*. Это — общий их признак. В отношении же лексики среди них могут быть выделены несколько мелких говоров. Поэтому при изучении диалектов и говоров казахского языка необходимо обращать особое внимание на выявление общих черт соответствующих говоров, точно устанавливая при этом их специфические признаки.

Есть еще один вопрос, который связан с диалектами. Это вопрос о диалектной основе казахского национального литературного языка. С. А. Аманжолов — как нам кажется, умозрительно — утверждает, что в основу письменного-литературного и национального языка лег так называемый «северо-восточный» диалект².

Вопрос о диалектной основе национального литературного языка должен быть решен после изучения всех диалектов казахского языка, их состояния и соотношения в момент зарождения литературного языка.

В заключение следует еще раз сказать, что казахские диалекты требуют дальнейшего глубоко научного изучения и исследования.

¹ См. Н. Т. Сауранбаев, О категории лица повелительного наклонения, «Известия АН Казах. ССР», № 135, Серия филологии и искусствоведения.

² См. С. А. Аманжолов, О диалектах казахского языка, ВЯ. 1953, № 6, стр. 92.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1980

КАЛИЕВ Г. К.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКИХ ГОВОРОВ)

Изучение народных говоров казахского языка в рамках определенных лингвогеографических районов по существу началось с 50-х годов XX в. Отдельные высказывания о характере говоров казахского языка мы находим у русских тюркологов второй половины XIX в. Н. И. Ильминского, П. М. Мелиоранского, В. В. Катаринского, Н. Ф. Катанова, Х. Фаизханова, М. А. Терентьева, которые в своих трудах не только впервые обратили внимание на существование диалектных различий в казахском языке, но связывали их с определенными регионами Казахстана. Так, Н. И. Ильминский причастную форму прошедшего времени на *-улы/-улі*¹, П. М. Мелиоранский формы *кележақ* в м. лит. *келеді* «придет», *келешек* «будущее», *бережақ* в м. лит. *береді* «даст», *берешек* «должник»² считали характерными для языка жителей западных областей Казахстана. Н. Ф. Катанов считает употребление в первом слоге *ä* в м. *e* (*жәрдä* «в земле»), *ä* после *й*, *ö* в м. *ö* (*күйндä* «в солнце») характерным для жителей пограничных районов на востоке Казахстана³. Известный татарский ученый Х. Фаизханов, изучавший в 60-х годах XIX в. казахский язык, отмечал наличие диалектных отличий в казахском языке в различных областях его распространения, в частности, отатаренный характер языка жителей Внутренней Орды⁴ и т. д. Следует отметить, что в тот период еще не сформировался казахский литературный язык, с которым можно было бы сравнивать диалектные особенности, как это практиковалось в период интенсивного изучения говоров в советское время. Русские тюркологи в то время исходили из норм общенародного казахского языка, который, как известно, начал образовываться с XV—XVI вв. и впоследствии лег в основу казахского литературного языка.

В изучении казахских говоров большую роль сыграли исследования казахских диалектологов С. А. Аманжолова, Н. Т. Сауранбаева, Ж. Д. Доскараева. Именно в их трудах встречаются конкретные материалы по изучению казахских говоров. Так, первые сведения о промежуточном характере аральского говора, территория которого «является границей между югом и западом», где «южный элемент несколько преобладает над западным», а также о предполагаемых говорах в Урдинском районе Уральской области, в Тургайском районе Ку танайской области, в Кегенском и

¹ Н. И. Ильминский, Материалы к изучению киргизского наречия, Казань, 1861, стр. 12.

² П. М. Мелиоранский, [реп. на кн.:] В. В. Катаринский, Грамматика киргизского языка, ЗВО РАО, XI, 1897—1898, стр. 363—364.

³ Н. Ф. Катанов, Письма из Сибири и Восточного Туркестана, СПб., 1893, стр. 63.

⁴ Э. Х. Марғұлан, Шоқаннң жаңадан ашылған досы Хусаин Фаизханов және оның Петербурдан жазған хаттары. «Изв. АН КазССР. Серия общественных наук», 3, 1965, стр. 21; см. также: М. Усманов, Г. Галимова, Хусаин Фаизханов как тюрколог (к столетиюдесятилетию со дня рождения), «Советская тюркология», 1979, 3, стр. 45.

Нарынкольском районах Алма-Атинской области и др. приводятся в трудах С. А. Аманжолова⁵. Н. Т. Сауранбаев дает довольно подробную характеристику основных черт четырех говоров (чуйского, жетысуйского, чимкентского, сырдарьинского), которые, по его мнению, составляют южный диалект казахского языка⁶. Ж. Д. Доскараев, классифицируя казахские говоры, делит их на две большие группы: юго-восточную и северо-западную. По его мнению, имеется еще восточная группа говоров, которая больше приближается к юго-восточной группе, т. е. ей присущ переходный характер⁷. Особенно много внимания Ж. Д. Доскараев уделяет изучению южных говоров в сравнительно-историческом плане. Г. Г. Мусабаев считает, что в казахском языке имеются мелкие говоры, и делит их на переходные и местные. Переходные, по его мнению, образовались в тех районах, где «географическое положение казахского народа способствовало проникновению иноязычных слов», а местные (имеются в виду говоры внутри языка) — «могут базироваться на остатках племенного диалекта»⁸.

Таким образом, несмотря на некоторые разногласия по поводу классификации и происхождения диалектов, их отношения к родоплеменным диалектам, к основе казахского литературного языка, диалектологи старшего поколения в целом были единодушны в вопросе о наличии в казахском языке говоров, а также переходных говоров, причем образование последних предполагалось не только в смежных с соседними языками районах, но и внутри языка между крупными группировками говоров.

В начале 50-х годов в казахской диалектологии начинается новый этап изучения говоров путем монографического описания. Такое изучение имело ряд преимуществ. Действительно, без предварительно определенных в историко-этническом, лингвогеографическом отношениях регионов было бы практически невозможным за короткий срок изучение языка местных жителей на такой огромной территории, как Казахстан, и в районах других республик, где говорят на казахском языке. Ныне в истории казахского языка впервые монографически описаны говоры местных жителей более десяти лингвогеографических районов. Эта работа продолжается и поныне.

Результаты исследований последних лет дают возможность сделать некоторые выводы о характере и отношении говоров друг к другу. Во-первых, пополнились фонды диалектных материалов, в том числе профессиональной лексики, что дало реальную возможность приступить к составлению диалектологического словаря (более полный словарь, чем предыдущие, выпущен в 1969 г.), диалектологического атласа казахского языка и сделать конкретные научно-практические выводы по проблемам диалектной лексикографии⁹. Во-вторых, изучение системы говоров отчетливо показало наличие близкородственных групп говоров в казахском языке, возникших на основе общности культурно-хозяйственного уклада, исторической связи жителей, поддерживаемой поколениями в течение веков, географической близости и, наконец, близости родо-племенного состава, который, на наш взгляд, играет не последнюю роль, поскольку сохранился еще в памяти народа. Например, нельзя ставить в один ряд чуйский и жетысуйский говоры на юге Казахстана с ординским говором на западе.

⁵ С. А. Аманжолов, Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959, стр. 156—166.

⁶ Н. Т. Сауранбаев, Диалекты в современном казахском языке, ВЯ, 1955, 5, стр. 50.

⁷ Ж. Д. Доскараев, Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка, ВЯ, 1954, 2, стр. 87.

⁸ Г. Г. Мусабаев, Современный казахский язык, I, Лексика, Алма-Ата, 1959, стр. 73.

⁹ Ш. Ш. Сарыбаев, Казахская региональная лексикография, Алма-Ата, 1976.

В свою очередь ординский говор сближается с некоторыми западными говорами казахского языка. О родственных говорах в казахском языке впервые говорил Н. Т. Сауранбаев, исходя из анализа конкретных примеров. В дальнейшем мысль о близкородственных говорах развивалась и нашла свое подтверждение в исследованиях последних лет. Так, был определен состав восточной группы говоров, состоящей из бай-ульгийского, кош-агачского, усть-каменогорского и аягузского говоров; состав западной группы говоров, состоящей из центрального, мангышлакского, арало-сырдарьинского, казахских говоров на территории Каракалпакии и Туркменистана¹⁰. Каждому из этих говоров свойственны и общие черты, характеризующие всю группу, и отличительные черты, присущие только данному говору.

Таким образом, изучение близкородственных говоров свидетельствует в пользу теории о наличии диалектов в казахском языке, тем самым проливая свет на один из спорных вопросов в казахском языкознании. В данное время основные фонетические, лексические, грамматические особенности диалектов казахского языка определены и получили описательную характеристику в отдельных монографиях по диалектологии. Однако в казахском языкознании нет работы обобщающего характера, показывающей в сравнительном плане совокупность фонетических, лексических, грамматических особенностей всех казахских говоров. Написание подобной работы позволило бы глубже понять характер диалектной системы казахского языка в целом, решить многие спорные вопросы казахской диалектологии и, безусловно, облегчило бы составление «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

В тюркской диалектологии одной из актуальных проблем остается изучение системы диалектов, говоров тюркских языков. Наряду с определенными успехами в этой области имеются и недостатки, особенно в методике изучения. На региональных совещаниях по тюркской диалектологии и в статьях с критическим обзором литературы не раз указывалось на отсутствие системного описания тюркских диалектов, говоров, «атомарный подход к изучаемым явлениям», который сводился к изучению разобобщенных и разрозненных «диалектных особенностей», вырванных из общей системы данного объекта¹¹. Был сделан справедливый упрек в адрес диалектологов: «Пора понять, что если 10—15 лет назад изучение фонетических, грамматических и лексических особенностей старописьменных памятников и тюркских диалектов еще могло квалифицироваться как „важнейшая задача“, то состояние современного языкознания требует системного изучения как памятников древне- и старотюркской письменности, так и диалектов»¹².

Только в последнее время, как указывалось в материалах Всесоюзной тюркологической конференции (1976 г.), «прежний принцип описания диалекта на основе его отличий от литературного языка все более вытесняется методикой, признающей диалект цельной языковой системой»¹³. Однако следует сказать, что в самом понятии системы диалектов еще много неясного. Отсутствие четких методических установок затрудняет изучение системы диалектов. Не каждый диалектолог ясно представляет себе, что понимается под системой диалектов или говоров «отличие от системы языка

¹⁰ Ж. Б о л а т о в, Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку. АДД, Алма-Ата, 1970; Ә. Н ұ р м а ғ а м б е т о в, Қазақ тілі говорларының батыс тобы, Алматы, 1978.

¹¹ Г. Ф. Б л а г о в а, Развитие сравнительно-исторического изучения тюркских языков и уровень кандидатских диссертаций, «Советская тюркология», 1973, 6, стр. 103.

¹² Там же, стр. 105.

¹³ А. Н. К о н о н о в, С. К. К е н е с б а е в, Г. Ф. Б л а г о в а, Всесоюзная тюркологическая конференция, «Советская тюркология», 1976, 3, стр. 6.

в целом, какими особенностями характеризуется система диалектов и каков характер взаимоотношения системы диалектов с системой языка, куда они входят как части целого, и т. д. Вопрос осложняется еще и тем, что развитие диалектов в каждом языке имеет свою специфику. Все это требует дальнейшей разработки проблемы о системе диалектов.

Известно, что система как совокупность взаимосвязанных, взаимопроникающих элементов языка свойственна как языку в целом, так и его диалектам, говорам. О характере системы говоров А. Мейе писал: «Само собой разумеется, что всякий говор имеет свою собственную систему, и поэтому следует всегда представлять себе место каждого конкретного языкового факта в этой системе. Исключительное внимание к отдельным словам и формам, зарегистрированным путем анкетных наблюдений и нанесенным на карты, может привести к тому, что все исследование сведется к изолированному изучению отдельного слова или маленькой группы слов, отдельной формы или маленькой группы форм. Такое крохоборство погубило бы историческое языкознание»¹⁴. Р. И. Аванесов подчеркивает, что «...диалектные различия по отношению к строю языка представляют не только различия в отдельных единичных фактах, но также и различия в некоторых цельных звеньях языковой системы, выступающих на фоне общности ее в остальных звеньях»¹⁵.

Однако дело не в том, что язык и его диалекты представляют собой системное явление, а в том, что характер системы языка и диалектов нельзя считать одинаковым. Это видно из такого простого факта, что основные черты системы языка свойственны его диалектам и говорам (без этого они не принадлежали бы данному языку). В то же время особенности, характерные черты системы диалекта, говора не свойственны языку в целом, а также другим диалектам, говорам (без этого они не выделялись бы как диалекты или говоры данного языка). Например, деепричастная форма *-ғалы* (с вариантами *-ғелі, -қалы, -келі*) в казахском языке является общенациональной, литературной, она свойственна и диалектам, говорам. Другая разновидность этой формы *-ғайы* (с вариантами *-гейі, -қайы, -кейі*) встречается только в восточных говорах казахского языка, не свойственна общенациональному языку. Таких примеров немало.

В современной диалектологической науке определен ряд специфических особенностей, характеризующих системы диалектов, которые в той или иной мере присущи диалектам, говорам многих языков: общие и частные элементы, различительные черты, которые, в свою очередь, делятся на несоотносительные, т. е. непротивопоставленные, и соотносительные, т. е. противопоставленные, диалектные различия. Причем каждая из этих черт как в синхронном, так и в диахронном аспектах может относиться к любому уровню структуры диалектной системы языка¹⁶. Изучение системы говоров казахского языка показывает, что материальная общность, которая выражается в основном в общности слова (корневой морфемы, словообразовательной морфемы, некоторых синтаксических конструкций, семантической общности)¹⁷, играет большую роль в выявлении противопоставленных различительных черт. Безусловно, сказанным не исчерпываются специфические особенности диалектной системы. Имеется еще ряд факторов, которые должны учитываться при изучении системы современных говоров. Ниже мы остановимся на некоторых из них на материале казахских говоров.

¹⁴ А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, стр. 63.

¹⁵ Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, I, М., 1949, стр. 3.

¹⁶ «Вопросы теории лингвистической географии», М., 1962, стр. 13.

¹⁷ Там же, стр. 14—15.

Естественно, в современном состоянии развития говоров, диалектов тюркских языков многие их элементы (не только специфические черты) не встречаются ни в общенародных, ни в литературных формах тюркских языков. Однако, как показывают многочисленные факты самих говоров, диалектов, а также наблюдения тюркологов, эти диалектные явления не выходят за рамки внутренних групп тюркских языков или общетюркских соответствий. Е. И. Убрятова пишет: «...все общетюркские изменения звуков в якутском языке не выходят из рамок общеизвестных фонетических соответствий, определенных общетюркской фонетической системой. Разграничить общетюркские внутриязыковые чередования и общетюркские же межязыковые соответствия невозможно. Так, например, соответствие *б* — *и* или *и* — *э*, о которых уже шла речь, можно наблюдать и как соответствие между разными тюркскими языками, и как соответствие, наблюдаемое в одном языке, но в разных его диалектах, и наконец, как соответствие внутри говора»¹⁸. Это сказано в отношении якутского языка, образование которого связано «с особыми условиями» иноязычной среды¹⁹. Что касается языков, которые исторически образовались из близкородственных племенных языков, то такое явление в них проявляется еще более ярко²⁰. Аналогичных примеров немало и в грамматическом строе тюркских языков. По данным азербайджанских диалектологов, в азербайджанских диалектах и говорах имеются личные аффиксы категории принадлежности и сказуемости, которые встречаются и в других тюркских языках²¹. Отмечается также близость и сходство между диалектами и говорами азербайджанского языка и юго-западной группой тюркских языков, с одной стороны, и кыпчакскими языками, с другой, в употреблении аффиксов настоящего времени²².

Н. З. Гаджиева, подчеркивая «отсутствие резких контрастов» в тюркских языках, близость и сходство в современных тюркских языках объясняет тем, что «в них сохраняются основные праязыковые формы, а так называемые инновации подчинены общетюркским тенденциям развития»²³. Например, относительно фонетической структуры она пишет: «Очевидно, в самой фонетической структуре тюркских языков заложены какие-то одинаковые тенденции дальнейшего развития, которые независимо могут осуществляться в изолированных диалектах»²⁴. Факты свидетельствуют о том, что диалектные особенности каждого тюркского языка, находясь в рамках общетюркских тенденций развития, вступали в различные отношения с данными других тюркских языков. Немало фактов, когда одни и те же явления в одних тюркских языках встречаются как диалектные, в других — как литературные. Например, переход *о* в *ұ* в казахском языке является диалектным. Ср.: лит. *сорақы* «несуразный», *домалау* «катиться», *шойнақ* «хромой», *ойран* «разрушение», *сонар* «пороша», *қолдану* «употреблять» с их диалектными вариантами *сұрақы*, *дұмалау*, *шұйнақ*, *ұйран*,

¹⁸ Е. И. Убрятова, Опыт применения русской (и международной) диалектологической терминологии при описании диалектов якутского языка, сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков. Материалы второго регионального совещания по диалектологии тюркских языков, состоявшегося 11—15 ноября 1958 года в г. Казани», Казань, 1960, стр. 38.

¹⁹ Там же, стр. 33.

²⁰ Там же.

²¹ М. Ш. Ширалиев, Второе лицо категории принадлежности и сказуемости, «Вопросы диалектологии тюркских языков», IV, Баку, 1966, стр. 47.

²² Р. А. Рустамов, Формы настоящего времени в диалектах и говорах азербайджанского языка, «Вопросы диалектологии тюркских языков», IV, стр. 43.

²³ Н. З. Гаджиева, Проблемы тюркской ареальной лингвистики, Среднеазиатский ареал, М., 1975, стр. 23.

²⁴ Там же.

сұнар, құлдану. Образование последних в западных говорах казахского языка связывается с влиянием соседних татарского и башкирского языков²⁵, для которых данное употребление является характерным. Диалектный аффикс *-сыңыз/-сіңіз*, свойственный юго-западным говорам казахского языка, означающий вежливую форму 2-го лица сказуемости *вм. лит. -сыз/-сіз*, в туркменском языке является литературной формой. Ср.: в казахских говорах *бересіңіз* «дадите», *жүресіңіз* «ходите», *көріңсіңіз* «увидели», а в туркменском языке *Сиз язарсыңыз, гелерсиңіз* «Вы пишете, придете» (*Хәзирки заман туркмен дили*, 1960, 383). Диалектные формы *бізің* «наш», *сізің* «ваш», широко распространенные в западных говорах казахского языка, являются основными формами лично-притяжательных местоимений каракалпакского языка²⁶. Форма *-ың* в составе этих слов в туркменском литературном языке является одной из форм род. падежа (*Хәзирки заман туркмен дили*, 1960, 191, 311).

Таких примеров немало и в лексической системе казахских говоров. Диалектные явления в казахском языке, как *орам* «улица», *азбар* «двор; хлев», являются литературными словами в западных и северных кыпчакских языках, а казах. южн. *шақы* [*шақ* от иран. *шох* «ветка» (хлопка и др.)] — в карлукских языках²⁷. Известно, что арабские и иранские слова в тюркских языках имеют разную степень распространения. Среди них есть такие, которые широко известны в одних тюркских языках, вошли в литературную лексику этих языков, а в других имеют ограниченный характер распространения, в результате чего превратились в диалектизмы. Примерами могут служить слова с префиксами *би-/бей-*, *на-/най-* иранского происхождения. Например, широко распространенные арабские и иранские слова в каракалпакском языке *бийдәрт* «беспечальный», *бийдевет* «несчастный», *бийнамаз* «пенабожный» (Н. А. Баскаков, указ. соч., стр. 199); *намарт* «несмелый; трус» (там же, стр. 209) и др. в казахском языке имеют только местный характер: встречаются в его юго-западных говорах в тех же значениях (*бидерт*, *бидәулет*, *бинамаз*, *намарт*). Следует отметить, что такие арабские и иранские слова в казахском языке, как *найылаж* «безвыходный», *намақұл* «неподходящий; несообразный; неподобающий», *нәдұрыс* «неправильный», *биабырой* «обесчещенный, опозоренный; потерявший авторитет», *бинамыс* «бесчестный, непорядочный; беззастенчивый, нахальный», *биздеп* «невоспитанный», *бейтап* «нездоровый» и др., также имеют локальный характер распространения, в основном в указанных говорах.

Напротив, слова и формы, ставшие в казахском языке литературными, в некоторых тюркских языках встречаются как диалектные. Например, употребление неопределенно-именной формы глагола в местном падеже в современном казахском языке стало литературной нормой, утвердившейся, в основном, через периодическую печать, ее изоглоссы проходят по всему Казахстану. Например: *Совхоз малышлары оныны бесжылдықтың бірінші жылын жемісті қортындылауға ұмтылуда* «Животноводы совхоза стремятся успешно закончить первый год десятой пятилетки» («Социалистик Казахстан», 14 IV 1976). Эта же форма встречается и в северном диалекте киргизского языка как показатель собственно-настоящего времени: *чоң роль ойноодо* «большую роль играет»²⁸. Если учесть, что основным ре-

²⁵ С. Аманжолов, указ. соч., стр. 307.

²⁶ Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, II, Фонетика и морфология, ч. I, М., 1952, стр. 265.

²⁷ К. М. Усаев, Значение диалектной лексики в сравнительной лексикологии тюркских языков, «Советская тюркология», 1973, 6, стр. 48.

²⁸ Н. З. Гаджиева, указ. соч., стр. 91.

гионом распространения показателя настоящего времени *-уда* является Казахстан, то можно предположить, что возникновение его в соседнем северном диалекте киргизского языка, а также в каракалпакском языке связано с влиянием казахского литературного языка.

Обращают на себя внимание и такие факты, когда диалектный характер некоторых форм и слов свойственен не одному языку, а группе языков, по крайней мере трем-четырем. Например, изоглосса вышеупомянутого аффикса *-сыңыз/-сіңіз* характерна не только для юго-западных говоров казахского языка, но и для северо-западного диалекта башкирского языка (*-сығыз/-сегез*), среднего диалекта татарского языка (*-сығыз*), акногайского диалекта ногайского языка (*-сыңыз*)²⁹. Так же обстоит дело с древней формой причастия будущего времени *-ұр/-үр* в казахском и каракалпакском языках, которая сохранилась только в отдельных говорах этих языков. Н. А. Баскаков пишет: «В современном языке (каракалпакском. — К. Г.) причастие будущего времени образуется, как правило, посредством вариантов аффикса $\frac{-ар}{-ер}$, *-р*, варианты же с узкими гласными $\frac{-ыр}{-ур}$,

$\frac{-ур}{-юр}$ характерны только для некоторых застывших форм, главным образом для глаголов бытия: *тур-ур, отур-ур, джат-ыр, джюр-юр*, хотя в отдельных случаях они встречаются и в других основах, напр.: *сендей кыздар балағъа ана болур келиншек* „девушки подобные тебе, невестушка, бывают уже матерями своих детей“»³⁰. Аналогичных примеров, показывающих взаимоотношение казахских говоров с говорами и диалектами соседних тюркских языков, немало. Ряд таких фактов в виде комплексов фонетических и морфологических явлений представлен в упомянутой весьма полезной работе Н. З. Гаджиевой.

Из вышесказанного видно, что, во-первых, история образования и характер диалектных особенностей в современном казахском языке не выявляются в рамках одной кыпчакской группы тюркских языков, куда входит казахский язык. Сохраняя основные черты кыпчакской группы языков, казахские говоры исторически вступали во взаимоотношения со многими тюркскими и нетюркскими языками и диалектами, в результате подверглись их влиянию и сами также оказали влияние на их развитие. Во-вторых, Казахстан занимает огромную территорию, что, в свою очередь, обуславливает большое количество языков, контактирующих с казахским языком, не только среднеазиатских тюркских, но и восточных, северных, северо-западных тюркских языков. В этом особенность казахского в отличие от других среднеазиатских языков. Чтобы всесторонне понять сущность диалектных явлений казахского языка, недостаточно данных только среднеазиатского ареала. Здесь необходимо сравнение с ареалами Восточной Сибири, Северного Кавказа, Поволжья.

Однако сказанное не означает, что все диалектные явления имеют только общетюркский характер, среди них немало и таких, которым свойственен узкий межъязыковой характер, что связано с явлением языковой аттракции в смежных территориях языков соседствующих народов³¹. Например, казахи, проживающие в Туркмении или Каракалпакии, кроме родного, владеют также языками туркмен и каракалпак. Такие явления встречаются в Узбекистане и Киргизии. В подобных смежных районах чаще всего образуются переходные говоры. Однако нельзя думать, что языковая аттракция может стать единственной причиной образования

²⁹ Там же, стр. 97.

³⁰ Н. А. Баскаков, указ. соч., стр. 425.

³¹ Н. З. Гаджиева, указ. соч., стр. 184—185.

переходных говоров в смежных районах. Она лишь способствует этому, потому что эти районы также входят в определенные диалектные массивы того или иного языка с характерными для них диалектными особенностями, как и другие говоры в смежных внутренних районах. В изучении системы таких переходных говоров имеет особое значение определение в них языковых черт, образовавшихся в результате естественного развития в условиях смежности языков.

Имеется еще одно важное обстоятельство, без учета которого невозможно изучать современное состояние системы говоров. Известно, что диалекты — явление древнее, они возникли раньше, чем литературные языки, поэтому сохранили гораздо больше архаичных форм. Вместе с тем диалект и развивающееся явление. «Современная диалектология оперирует таким понятием, как диалектное развитие. Под ним понимается такое явление языка, которое в отдельных говорах выступает в различных вариантах»³². Это особенно хорошо видно на примерах неологизмов в говорах. Например, в казахском языке после Октябрьской революции появилась масса неологизмов, однако не все они вошли в казахский литературный язык. Речь идет не о тех неологизмах, которые были в употреблении в литературном языке, но уже в начале 30-х годов устарели (слова типа *серіктес* «ТОЗ», *қосшы ұйымы* «союз косшы», *жалком* — *жалшылар комитеті* «батрачком», *болатком* «волостной исполком», *қызыл отау* «красная юрта, где обучали безграмотных») или в силу своего несовершенства заменялись другими словами (например, *кеңес* словом *совет*, *қайырма* — *үтір* «запятая», *жағырапия* — *география*, *шынышдық* — *реализм*, *хатшы* — *секретарь*). Речь идет о таких неологизмах, которые образовались в говорах и не вошли в общенациональный литературный язык, как *жар газеті* в. лит. *қабырға газеті* «стенная газета», *ұя* в. *ұйым* «организация», *аяқтай басшылық* в. *тікелей басшылық* «непосредственное руководство», *барлау* в. *тексеру* «ревизия», *корсетпе* в. *нұсқау* «указание», *шақырыспа* в. *мәжіліс* «заседание, совещание», *жаттыс күн* в. *демалыс күн* «выходной день», *шара көру* в. *шара қолдану* «принимать меры», *еңбек күн құю* в. *еңбек күн есептеу* «заработать трудодни», *жүндіхана* в. *жүн қабылдайтын орын* «приемный пункт шерсти» и т. д. Следует отметить, что некоторые из них в говорах выступают в различных вариантах: *жар газеті* имеет еще местные варианты *кереге газеті*, *дуал газеті*; *жаттыс күн* — *өттік* (от русск. *отдых*) и т. д.

С помощью производящих основ и словообразующих суффиксов, известных в общенародном языке, в говорах образовались такие производные слова-неологизмы, которые отсутствуют в литературном языке. Например, с помощью суффикса *-шы/-ші*: *кілтіші* в. лит. *қоймашы* «кладовщик», *айырушы* в. *реттеуші* «сортировщик», *ақанышы* в. *қызыл балық аулаушы* «ловец красной рыбы», *бұрышы* в. *бұрғышы* «бурильщик», *оюшы* в. *кен қазушы* «забойщик». С помощью суффикса *-лық/-лік*: *жұмышылдық* в. *ұйымшылдық* «организованность», *ұштық* в. *қалам ұш* «перо», *көзжелік* «макароны, вермишель», *қырсыздық* в. *қыры*, *ыңғайы болмау* «безделие; безынициативность». *-Шылық/-шілік*: *күндікшілік* в. *жалданып жұмыс істеу* «поденщина», *малдаршылық* в. *мал шаруашылығы* «животноводство», *маманышлық* в. *мамандық* «профессия, специальность», *бірішілік* в. *ұйымшылдық* «организованность», *мұғалімшілік* в. *мұғалімдік* «учительствование» и т. д.

Многие из приведенных неологизмов в самих говорах имеют переходный характер: свойственны не одному говору, а нескольким или группе говоров. Например, *жар газеті*, *шара көру* характерны для группы западных

³² «Русская диалектология», М., 1972, стр. 6.

говоров; *шақырма ағаш* «километровые столбики» — для кош-агачского и восточного говоров. Характерным является и то, что диалектные неологизмы в говорах употребляются параллельно с их литературными вариантами, сливаясь с местной формой литературного языка. Их можно видеть на страницах местной печати: *Жар газеті мен жауынгерлік листок оқта-текте бір шығады* «Стенная газета и боевой листок выпускаются редко» («Колхоз жолы», газета Казталовского района Уральской области); *Өзі кереге газетінің шығарушысы* «Он сам — выпускающий стенной газеты» («Улгили колхоз», газета Енбекши-Казахского района Алма-Атинской области); *Оны аудандық денсаулық бөлімі ескеріп, тиісті шарасын көргені жөн* «Райздравотделу это надо учесть и принять необходимые меры» («Екпинди балыкшы», газета Аральского района Кызыл-Ординской области).

При изучении системы современных говоров должно приниматься во внимание их взаимоотношение с литературным языком и просторечием. Общеизвестными положениями о том, что современный литературный язык обогащается за счет лексики говоров и своим влиянием приводит к постепенному их исчезновению, — не исчерпывается взаимодействие литературного языка и говоров. В современных говорах идет сложный процесс, который проявляется и в заимствованиях из литературного языка не только лексических, но и фонетических и грамматических форм, и в образовании в них самих литературно-диалектных дублетов типа *қой-ешкі* — *жандық* «мелкий рогатый скот», *орамал, сүлгі* — *шашық* «полотенце», *қияр* — *бәдірең* «огурец», *құдағи* — *құдағай* «сваха», *әтеш* — *қораз* «петух», *сыбыртқы/сібіртки, сыпырғыш* — *сіпсе* «веник»; в появлении новых слов и форм (см. выше неологизмы), что приводит к образованию местных разновидностей литературного языка. Известно, что литературный язык повсеместно не используется одинаково: в местных условиях в литературный язык вносятся некоторые изменения, главным образом, локального характера.

Что касается взаимоотношения говоров и просторечия, то об условности их границы Ф. П. Филин пишет: «... граница между областными и разговорно-просторечными словами подвижна, с течением времени изменяется; даже с точки зрения норм современного языка на данном этапе его развития не всегда можно с полной уверенностью определить, является ли слово областным или разговорно-просторечным»³³. Сказанное подтверждается и данными казахского языка. Происхождение многих просторечных форм и слов, встречающихся в современном казахском языке, связано с диалектными особенностями. Например, в просторечии: *жәй* вм. лит. *жай* «так; просто», *шәй* — *шай* «чай», ср. в чуйском говоре: *жән* вм. *жан* «душа», *місәлі* — *мысалы* «например», *ләж* «выход; способ»; в просторечии: *дүз* — *түз* «соль», *дiзе* — *тізе* «колено», *дiзгін* — *тізгін* «повод», ср. в мангышлакском говоре: *дым* — *тым* «совсем; чересчур», *дермен* — *тиірмен* «мельница», *дұрбат* — *тұрпат* «облик; физиономия»; в чуйском говоре: *дерезе* — *терезе* «окно», *дүзу* — *түзу* «прямо», в просторечии: *сүгірет* — *сурет* «рисунок», *жігірма* — *жиырма* «двадцать», *киіз* — *киіз* «кошма», *құмған* — *құман* «кувшин», ср. в юго-западных говорах: *егер* — *ер* «седло», *бігіз* — *біз* «шило», *еге* — *ие* «хозяин». Нижеследующие наречные формы типа *кешкісін* вм. лит. *кешкі* «вечером», *ертеңгісін* — *ертең* «утром», *тіптен* — *тіпті* «даже; вовсе», *тағын* — *тағы* «еще»; глагольные формы: *тараю* вм. *тарылу* «суживаться», *сақаю* — *сауығу* «выздороветь», *ұзаю* — *ұзару* «удлиняться», употребление местного падежа вм. направительного, исходного падежей, исходного вм. инструментального падежа и т. д. могут

³³ Ф. П. Филин, Об областном словаре русского языка, «Лексикографический сборник», II., М., 1957, стр. 5.

быть и диалектными, и просторечными. Эти просторечные формы в данное время встречаются почти повсеместно в отличие от локализованных диалектных форм, что является результатом развития казахского языка в последующие периоды. По этому поводу Л. И. Баранникова пишет: «... просторечие не обладало и не могло обладать четкой структурной целостностью. Просторечие возникло на базе разных диалектов, имеющих каждый свою систему»³⁴.

Выше затрагивались некоторые вопросы системы говоров казахского языка в синхронном аспекте. Разумеется, сказанным не исчерпываются проблемы изучения сосуществующих частных диалектных систем в составе языка, в котором в наше время происходит сложный процесс взаимодействия литературного языка и диалектов.

³⁴ Л. И. Баранникова, Просторечие как особый социальный компонент языка, сб. «Язык и общество», 3, Саратов, 1974, стр. 12.